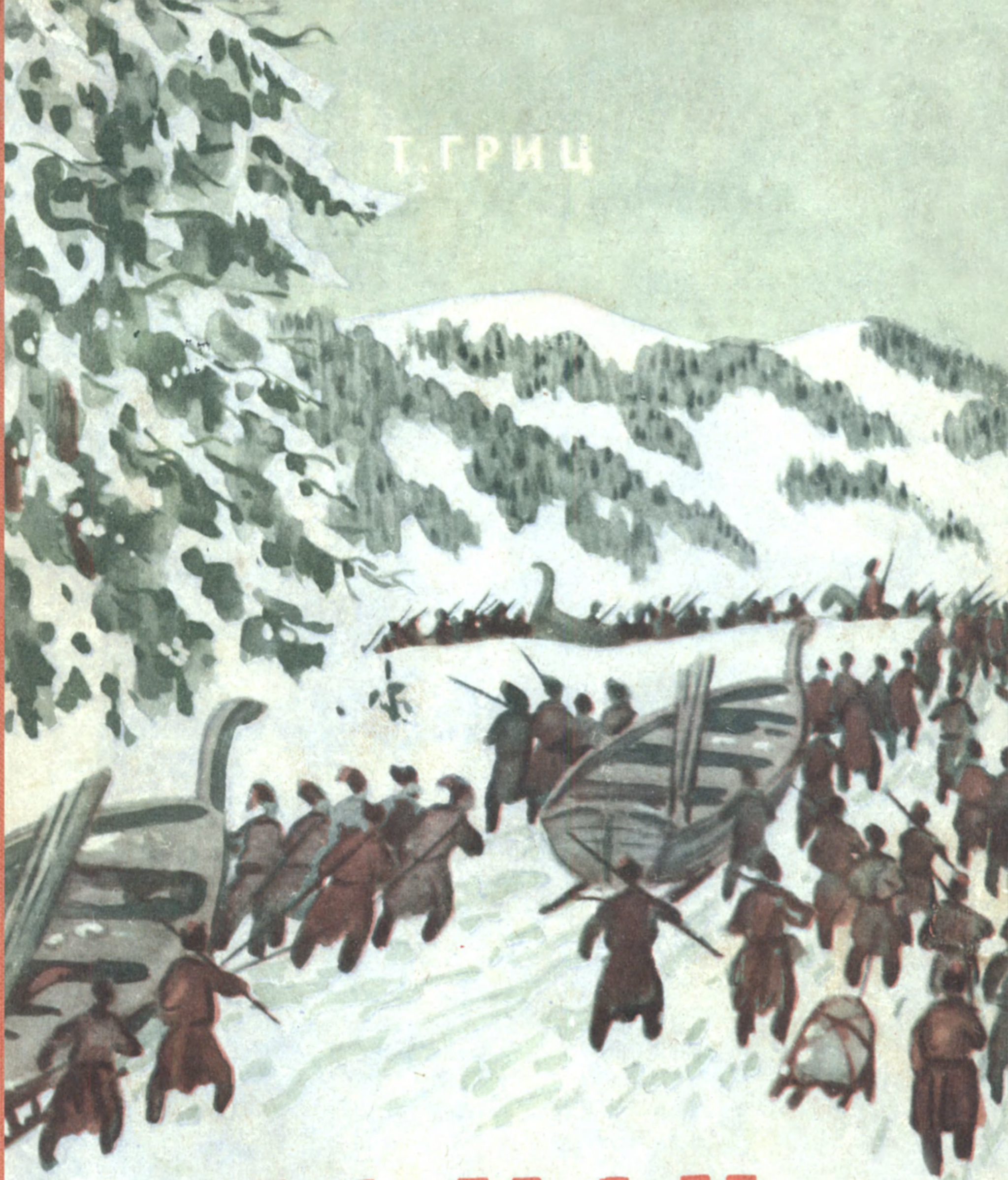
Т. ГРИЦ



ЕРМАК

ДЕТГИЗ 1961

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Т. ГРИЦ

Ермак

Рисунки Н. Кузьмина

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1961

Автор этой книги Т. С. Гриц был талантливым критиком и историком литературы. Его литературная деятельность началась в журнале, выходившем под редакцией Маяковского. Т. С. Грицу принадлежит ряд вдумчивых, интересных работ о творчестве «глашатая революции».

Был ещё и другой Теодор Гриц — редактор и автор детских книжек.

«Меткие стрелки» называлась его книга для ребят о советских снайперах. Она получила премию на конкурсе лучших детских книг и была издана дважды.

Совсем не случайно литературовед, изучавший стихи Маяковского, написал о снайперах. Уже в начале июля памятного 1941 года Гриц вступил в истребительный батальон, учился на снайперских курсах, стал бойцом 5-го полка московских рабочих, занимавшего первую линию обороны на подступах к Москве.

Ещё в 1921 году, шестнадцатилетним юношей, Т. С. Гриц добровольцем ушёл в Красную Армию и служил в Абхазской стрелковой бригаде.

У него был живой интерес к истории, он любил и изучал прошлое, потому что знал: без него нет настоящего, не может быть будущего.

Увлекшись историей русского театра, Гриц составил подробнейшую летопись жизни великого русского актёра М. С. Щепкина.

Воссоздать и описать человеческую жизнь, протекавшую почти сто лет назад, — большая и сложная задача. Гриц сделал это. После его смерти остался огромный труд, посвящённый Щепкину.

Гриц написал книгу и о замечательном мореходе Семёне Дежнёве, именем которого в Арктике назван мыс.

Сейчас в руках у вас книга Грица о Ермаке. Это рассказ о том, как в 1581 году, во времена Ивана Грозного, отряд казаков под предводительством Ермака разбил многочисленные войска хана Кучума.

Уже три раза издавалась эта книга.

Маяковский в стихах «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» писал:

«Мы идем
сквозь револьверный лай,
чтобы,
умирая,
воплотиться
в пароходы,
в строчки
и в другие долгие дела».

Долгие дела Теодора Грица — его книги.

О «СТРАНАХ ПОЛУНОЩНЫХ» И О «МЯГКОМ ЗОЛОТЕ»

В старой Московии самым дорогим товаром была «мягкая рухлядь» — меха соболей, бобров, горностаев, белок, лисиц.

Из Англии и Персии, из Голландии и Бухары, из Швеции и Турции приезжали купцы в Москву за пушниной. В Лейпциге была открыта ярмарка, где продавались русские меха.

Мехами торговала Москва с Западом и Востоком, мехами брали дань с подвластных народов, мехами награждал царь бояр и служилых людей.

А зверь уходил от охотников всё дальше и дальше на восток. Переводился бобёр, всё реже попадался соболь. Пустели звериные угодья. Дорожали меха.

Царь и купцы посылали охотников на восток промышлять белку и соболя.

В поисках «мягкого золота» дошли звероловы до Каменного пояса, как тогда назывались Уральские горы. За Каменным поясом начиналась Сибирь, а по нижнему течению реки Оби — Югорская земля. Говорили, что за Камнем лежат «страны полунощные», где полгода длится ночь.

О странах полунощных ходили на Руси диковинные слухи. Рассказывали, будто живут там люди, у которых рот на темéни: когда едят, кладут рыбу или мясо под шапку, а плечи у них движутся, как челюсти, вверх и вниз. Есть там ещё люди безглавые: рты у них меж плечами, а глаза на груди. Наконец, есть там люди «дикие и безгласные» — только рычат и шипят. Зимой, как начнутся морозы, люди эти замерзают и стоят, как деревья. А весной пригреет солнце — они оттаивают и оживают.

Ведут югорские люди торг с соседними племенами. Перед тем как замёрзнуть, кладут свои товары в назначенное место. Приходят купцы к тому месту, берут их товары, а взамен кладут свои. Бывает и так: увидят югорцы, что товаров им дали мало, воевать начинают, кровь льют.

Говорили ещё, будто в Югре из туч на землю падают разные звери, особенно белки и молодые олени; что вздымаются там высокие горы, которые разди-

рают своими вершинами облака; что в горах тех копошатся люди. Сидят они внутри горы и что-то кричат через прорубленное оконце, а что кричат — понять нельзя.

А богатств в Югре — счёту нет: и золото, и серебро, и дорогие камни. Много там разного зверя пушного; соболей — как в Москве грачей.

Ходили в страны полунощные торговые и служилые люди, пробирались за Камень, к устью реки Оби.

Место это называлось Мангазеей.

Ездили туда или Студёным морем на одномачтовых парусных кочах, или реками Камой и Печорой в малых судах — обласах.

Путь был трудный.

В море гибли русские суда ото льдов и ветров. Между реками и озёрами приходилось волочить суда волоком по земле, а поклажу переносить на спине.

Переваливали русские через скалистые дикие горы, а на волоке подстерегали их самоеды. Отнимали у промышленников товары и лодки, а то и самих убивали.

За Камнем, на севере, тянулись пустынная тундра, поросшая мелким лесом, голые, каменистые места, топи и болота. Пробираться туда приходилось «непроходимыми пропастьми, снегом и лесами». Но русских это не пугало.

В полунощных странах было много богатств. Самоеды, остяки и вогуличи отдавали соболей и песцов за грошовые стеклянные бусы, за железные ножи, за чугунные котелки. Съездит раз купец в Мангазею,

возьмёт туда дешёвый товар, а обратно везёт меха, которым и цены нет. На чугунный котёл выменяет вязку собольих шкурок в сорок штук. На десяток гвоздей — дорогого дымчатого песца.

И за одну поездку богател купец.

Поселились в угодьях по реке Каме братья Строгановы. Они рубили леса, мостили мосты через грязи и болота, ставили соляные варницы, плавили железную руду. Быстро богатели промышленники. Стали величать их «именитыми людьми».

Царь Иван IV прибавил к владениям Строгановых земли по Каме и Чусовой, разрешил строить города и крепости, заселять их людьми всякого чина, держать пушки, пушкарей и пищальников [1]. За это Строгановы обязаны были защищать Русскую землю от набегов сибирских народов.

Слава о пушных богатствах Мангазеи и Югры распространилась по всей Московии. Англичане и голландцы засылали купцов и приказчиков разведать путь в те земли.

Задумали проникнуть в Сибирь и Строгановы.

Уже издавна приезжали в Россию иностранные купцы. Меняли дорогие ткани и металлические изделия на русские меха, на лён, мёд, воск и кожи.

Но Строгановым этого было мало.

---

[1] Пищáльник — воин, вооружённый пищалью. Пищалью называлось ружьё, пушка, вообще огнестрельное оружие.

Они сами хотели продавать свои товары на рынках Западной Европы, а для этого нужны были люди, знающие иностранные языки, знакомые с европейскими обычаями.

Царь Иван Васильевич воевал тогда с Литвой, Ливонией и Швецией: хотел пробиться к берегам Балтийского моря. Воевал он долго, брал в плен поляков, немцев, шведов. Пленных называли «полонными людьми». Они считались военной добычей. Их можно было купить и сделать рабами.

Строгановы ездили по государственным тюрьмам, скупали пленных.

В ярославской тюрьме сидел тогда Оливер Брюннель, родом из Брюсселя. Брюннель был торговым приказчиком и служил на голландском корабле. Приехав в Россию, он начал изучать русский язык. Однако Брюннель оказался слишком любознательным. Заподозрили его в шпионстве, арестовали и посадили в тюрьму. Здесь его выкупили Строгановы.

Брюннель служил у именитых людей приказчиком. Вместе с русскими ездил он несколько раз в Голландию. Побывал в Париже. Продавал с большой выгодой русские меха. Потом Строгановы послали его в Мангазею. Ездил он туда дважды. Первый раз — сухим путём, второй — по Печоре и морем.

Сибирь, её быстрые рыбные реки, глухие леса, полные зверя и птицы, весьма понравились Брюннелю. Задумал он морем и Обью добраться до Китая. Уговаривал Строгановых, сулил большие выгоды.

Строгановы согласились.

Поехал Брюннель в Голландию нанимать опытных мореходов. Побывал в 1581 году у знаменитого математика и географа Гергарда Меркатора. Рассказал ему о своих поездках в Мангазею, о полунощных странах, о диких людях, которые одеваются в звериные меха и рыбьи кожи. Рассказал и о своём замысле поехать в Китай.

— Два искусных корабельных мастера построили уже на строгановских верфях суда для плавания по Ледовитому океану. Отправляюсь в Антверпен, хочу пригласить на службу к Строгановым опытных мореходов, — говорил он.

Слушал Брюннеля учёный голландец и удивлялся.

Но, должно быть, не напрасно сидел Брюннель в ярославской тюрьме. Боясь, что русские дознаются о его тёмных умыслах, он к Строгановым не вернулся, мореходные карты продал голландским купцам, а сам поступил на службу в Дании.

Мореходный поиск на Обь Строгановым не удался.

Замыслили они сухопутный поиск за Каменный пояс.

Продвигаясь на восток, Строгановы столкнулись с татарами, которые держали Сибирь в своих руках.

После падения Казани владетель Сибирского царства хан Эдигар бил челом московскому государю, просил защитить от врагов. Обещал платить дань «со всякого человека по соболю и по белке сибирской». Боялся хан бухарских царевичей, которые хотели отнять у него престол. И боялся он не зря.

Вскоре сын бухарского хана Муртазы царевич Ку-

чум пошёл на Сибирь войной, забрал царство, убил Эдигара и брата его, Бекбулата.

Первое время и новый хан платил дань России, однако потом поразмыслил, что до Москвы далеко, ратных московских людей в Сибири нет, бояться некого. Перестал платить дань, убил московских послов, стал нападать на русские земли.

Подговорил Кучум черемисов. Взбунтовались черемисы, перебили много русских, пожгли их сёла и хутора, угнали скот, увели в плен женщин и детей.

На следующий год племянник Кучума царевич Махметкул собрал войско, погромил русских данников — остяков, которые жили по реке Чусовой, — и убил государева посланника, ехавшего в Киргиз-Кайсацкую орду. Собирался царевич разорить и строгановские городки. Подошёл к ним совсем уже близко, выслал вперёд лазутчиков — разведать, что у русских делается. Вернулись лазутчики, говорят — в городках собралось много ратных людей, отпор готовят. Испугался Махметкул, повернул обратно.

Строгановы жаловались царю на обиды и притеснения, чинимые Кучумом. Писали, что не дают татары «людям и крестьянам из острогов выходити... и пашни пахати, и дров сечи не дают же». Приходят татары, писали они, «украдом лошадей и коров отганивают, и людей побивают, и промыслы у них в слободках отняли, и соли варить не дают».

Царь разрешил Строгановым набирать вольных людей — казаков и ходить войной на врага.

Строгановым только это и нужно было. Задумали

они не только защитить свои городки от нападения, но и пройти в Сибирь — промышлять меха и другие богатства.

Для похода в Сибирь требовались люди закалённые, искусные в ратном деле, а таких людей у Строгановых не было. Но дошла до них весть, что с Волги на Каму продвигается большой казачий отряд и что командует этим отрядом атаман Ермак Тимофеевич.

ЛЮДИ БУЙСТВЕННЫЕ И ХРАБРЫЕ

Безлюдны были берега Волги.

Над жёлтыми песками дрожало жаркое марево. В блёклом от зноя небе сонно парили орлы. На прибрежных курганах стояли степные богини — каменные бабы. Их грубые плоские лица смотрели за реку, на восход.

В седом ковыле белели кости и скалил зубы череп в заржавленном шлеме. Это встретились когда-то в поле русские с татарами и оставили свои кости мыть дождям, сушить ветру.

Лишь изредка спускался к перевозу караван верблюдов и с гиком проносились на горбатых степных иноходцах ногайцы в меховых шапках-малахаях.

А по самой реке, по широким её плёсам, пугая несметные табуны лебедей и гусей, днём и ночью плыли суда. Плыли плоскодонные, с высокими бортами насады, плыли барки и птицегрудые струги, плыли крутобокие суда персидских купцов.

Плыли с севера, везя меха, воск, соль, мёд и кожи; возвращались с юга, груженные китайскими шелками, пряностями, коврами, сафьяном и оружием.

Волга была великим торговым путём. Но торговать тогда было опасно. Разбойничали на Волге вольные люди — казáки. От боярского кнута, от тяжёлой кабалы бежали служилые и крестьяне в «дикое поле» — в степи. Бежали из городов и сёл, бежали из монастырских и боярских вотчин. Собирались беглые в шайки, называли себя казаками, а предводителей своих — атаманами.

Московские воеводы тоже называли их казаками, только «воровскими».

А в те времена воровскими людишками называли не только грабителей, но и ослушников и беглых людей, не желавших подчиняться боярской власти.

Селились казаки в глухих, непроходимых лесах, за болотами, в камышах.

В казаки шли люди бездомные, бедные, «меньшие», как говорили тогда. Не любили они богатых и знатных. Собирались в ватаги, стерегли на перевозах караваны, нападали на купцов, не щадили и царских послов, отбирали казну и товары.

Есть на Волге такое место — Самарская лука. Из воды круто подымаются утёсы. Поросли они частым лесом. В утёсах — пещеры. Удобно скрываться в них с недобрым умыслом.

Поперёк Самарской луки течёт на север малая речка Уса. На юге подходит она к самой Волге. В этом месте, близ Усы, разбили казаки свой стан. На верши-

нах утёсов стояли казацкие сторожевые. Смотрели, не покажутся ли где торговые струги.

Увидят караван и, пока он огибает луку, переплывут по Усе на южную сторону, переволокут свои челны в Волгу и ограбят купцов.

Гуляли на Волге казаки. Нападали на торговых людей, нападали на персидских и бухарских послов.

В 1579 году атаманы Кольцо и Барбоша собрали буйную ватагу, спустились на стругах в Каспийское море, а оттуда проплыли на реку Яик и осадили столицу ногайского ханства — город Сарайчик.

Ногайцы не могли отбиться. Взяли казаки город, ограбили его и сожгли. Возвращаясь обратно, Кольцо и Барбоша на перевозе близ Соснового острова ограбили боярского сына Василия Пелепелицына, ехавшего вместе с ногайскими послами.

Ногайцы пожаловались царю, просили утихомирить казаков. Жаловались царю и послы, жаловались и купцы.

— Житья, — говорили, — не стало на Волге от тех воровских людишек.

Царь послал на Волгу ратные отряды, приказал хватать казаков и вешать. Атамана Кольцо с товарищами осудил на лютую смерть.

Отправился на Волгу царский придворный — стольник Мурашкин. Поставил на перевозах сторожевые заставы, поймал нескольких казаков; одних повесил, других наказал плетьми. Атаманы с дружиной сумели уйти на Каму.

Казачьи атаманы Ермак Тимофеевич, Иван Кольцо, Яков Михайлов, Никита Пан и Матвей Мещеряк слыли людьми «буйственными и храбрыми». Умели и на стругах плавать и на коне биться, стрелять из пищали и рубить саблей.

Самым искусным и умелым среди них был Ермак.

Среднего роста, широкоплечий, чернобородый, он был суров и не любил, когда ему перечили.

Откуда был Ермак родом, точно неизвестно. Рассказывают, что дед Ермака, Афанасий Аленин, города Суздаля посадский человек, был очень беден. Ища себе пропитания, переехал он во Владимир. Здесь воспитал двух сыновей — Родиона и Тимофея. Кормился извозом. Случалось ему возить в Муромских лесах разбойников. Разбойников этих однажды поймали, а вместе с ними попал в тюрьму и Аленин. Просидел он недолго: бежал в Юрьевец-Польско́й. Здесь и умер.

Осталась его жена с сыновьями. Заработков нет, ходят босы и наги, жить нечем, хоть с голоду помирай. Услышали они как-то от бродяг перехожих, что на Каме строят именитые люди Строгановы соляной промысел, всем дают работу, всех кормят.

Переехали Аленины в строгановские вотчины. У Тимофея Аленина вырос сын Василий, бойкий, сильный, речистый. Ходил он работать на стругах по Каме и Волге. Служил одно время кашеваром и будто бы получил от товарищей кличку «Ермак».

Ермаком у волжских бурлаков назывался артельный котел, в котором варили кашу. Однако известно,

что «Ермак» — это и сокращённое русское имя «Ермолай».

Работа на стругах опостылела Ермаку — ушёл он на Дон, к вольным казакам. За силу и сметливость казаки Качалинской станицы выбрали его старшиной. Дрался он с татарами, охраняя южную границу от Астрахани до Дона, дрался на западе с поляками. Потом повёл казаков на Волгу.

Пристали к Ермаку беглые люди, стал Ермак атаманом. Разбойничал он на Волге и будто бы даже ходил на стругах в Каспийское море, где грабил персидские суда.

По приказанию Ивана Грозного войсковой атаман созвал казачий круг. Решено было поймать Ермака и его сообщников и под стражей отправить в Москву. Рядовых же казаков, разбойничавших с Ермаком, наказать плетьми при народе.

Спасаясь от царского гнева, поплыли казаки на Каму. Думали укрыться в лесной глуши.

Приехал к ним от Строгановых доверенный человек, звал служить, обещал прокорм и денежное довольствие.

Собрал Ермак своих атаманов. Говорил, что на Волгу возвращаться нельзя — ждёт их там лютая казнь. Жить на пустых местах трудно. Казаков много — неизвестно, чем кормиться, как одежду добывать. А Строгановы — люди именитые, жить за ними спокойно, никто не тронет.

Решили атаманы ехать к Строгановым.

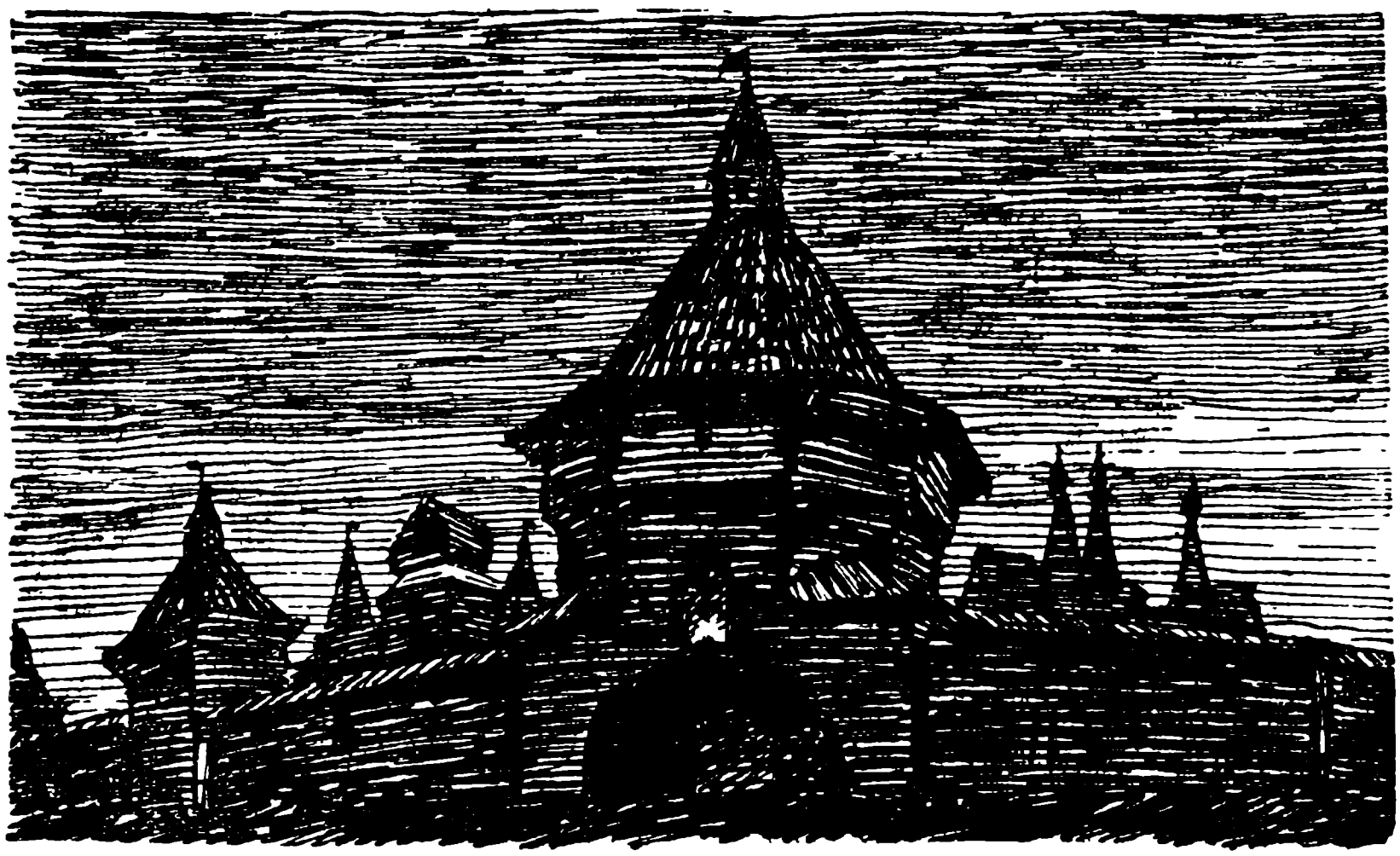
В СОЛЯНЫХ ГОРОДКАХ

Из ночной мглы выступили угловые башни. В Орле-городе били в била, лаяли собаки.

— Поглядывай!.. — протяжно перекликались сторожа.

За деревянными рублеными стенами подымались обитые белым железом колокольницы. На земляных накатах стояли пушки, а рядом, горками, лежали каменные ядра. В больших глиняных горшках дымились угли — калить те ядра. Над главными воротами хмурил свой тёмный лик Николай-угодник.

Караульные со сторожевой двухъярусной башни увидели подплывающие струги. На стенах замелькали огни. Дробно ударил колокол. Заскрипели ворота. К берегу с факелами в руках спешили стрельцы.



Розовело небо. Предрассветный ветер колыхал огни. Струги причалили к берегу. Казаки, разминая ноги, шли к воротам. Молчаливый приказчик со связкой ключей на поясе повёл атаманов в хоромы.

Из-под резных наличников поблёскивали слюдяные оконца. К хоромам лепились людские избы, поварни, погреба, скотские хлевцы.

На крыльце атаманов встретил сам Максим Строганов. Красный, парадный кафтан с собольей оторочкой облегал его тучное тело.

Строганов поглаживал пушистую бороду и приветливо улыбался.

«Хитёр! — думал Ермак, глядя на ласковое лицо Строганова. — Ох, хитёр! Сеет рожью, а жнёт ложью».

Неловко ступая по коврам из беломедвежьих шкур, прошли атаманы в горницу.

Дубовый стол был покрыт бирюзовой атласной скатертью. По стенам висели пёстрые персидские ковры. У изразцовой печи в большом поставце блестели фляги, кувшины, чаши и кубки. Рядом в золочёной клетке на жёрдочке сидела заморская птица попугай, кричала сердитым стариковским голосом: «Не баловать, холопы!»

Строганов усадил гостей за стол. Расспрашивал атаманов об их делах. В дверях жался подьячий с оловянной чернильницей у пояса.

Угощались атаманы пивом, и мёдом, и крепкими винами. Ели осетров камских, икру астраханскую, стерлядь чусовскую, затылок лосий, окорок олений.

Пили крепкое пиво серебряными ковшами и тайком дивились часам немецкой работы. Вздыбился медный зверь единорог, держит в лапе медный шар. А в шаре том стрелки бегут — считают время от полдня и до полдня.

Рассказывал Строганов, что его обижаю́т Кучумовы люди, работать и строиться не дают. Рассказывал, что царство у Кучума богатое и идёт оттуда путь торговый на Бухару.

— Обещался, — говорил Строганов, — сибирский хан платить ясак[1] Москве, а не платит. Посла царско-

[1] Я с а́ к — дань.

го убил. Царёвым данникам разор чинит, русских мужиков забивает до смерти. А царство того Кучума не крепкое. Убил Кучум хана Эдигара и его брата, Бекбулата, забрал ханский престол. Сын Бекбулата Сеид-Ахмет подрастает, хочет отомстить за отца, грозит хану погибелью. Да данники Кучумовы, остяки и вогуличи, не горазды ему правдой служить. Обижает их хан, берёт с них ясак непомерный. А бой у татар лучной, огненного боя не знают.

Атаманы слушали молча. Думали, к чему Строганов речь клонит.

В клетке сердилась заморская птица попугай и кричала: «Батогами воров! Батогами!»

Смеялись тому крику атаманы. Строганов, усмехнувшись, просил честью служить. Обещал и одежду разную, и деньги, и запасы многие.

— А будет ваша воля, пойдёте за Камень добывать зипуны у сибирского хана — буду вам во всём помогать, наделю оружием воинским, дам и зелье [1], и свинец, и всякий к ратному делу запас. Молва идёт, что люди вы непокоримые, к смерти бесстрашные, к нуждам терпеливые.

Отвечал Ермак, что служилыми казаки не будут, хотят жить своей волей. А о поиске в Сибирь хотят поразмыслить.

Поселились казаки в строгановских вотчинах, несли сторожевую службу.

А в городках кипела работа.

---

[1] Зе́лье — здесь: порох.

Строгановские холопы расчищали места под пашню, жгли уголь, корчевали пни.

Рубили срубы и, заметав крышу соломой, селились в угодьях пришлые люди.

В тёмных, сырых шахтах рудокопы били кайлом железную руду. Кузнецы раздували мехи, ковали ножи, топоры, сохи, копья и разный наряд для соляного варенья.

Из озёр и колодцев черпали соляную воду, лили в большие железные лотки — цирены, соль варили.

Работа была трудная. От соли всё тело покрывалось гнойными язвами, на руках соль проедала мясо до костей. Приказчик только ходит да поглядывает: чуть кто замешкался — палкой, а если кто перечить вздумает — строптивого в дубовые колодки.

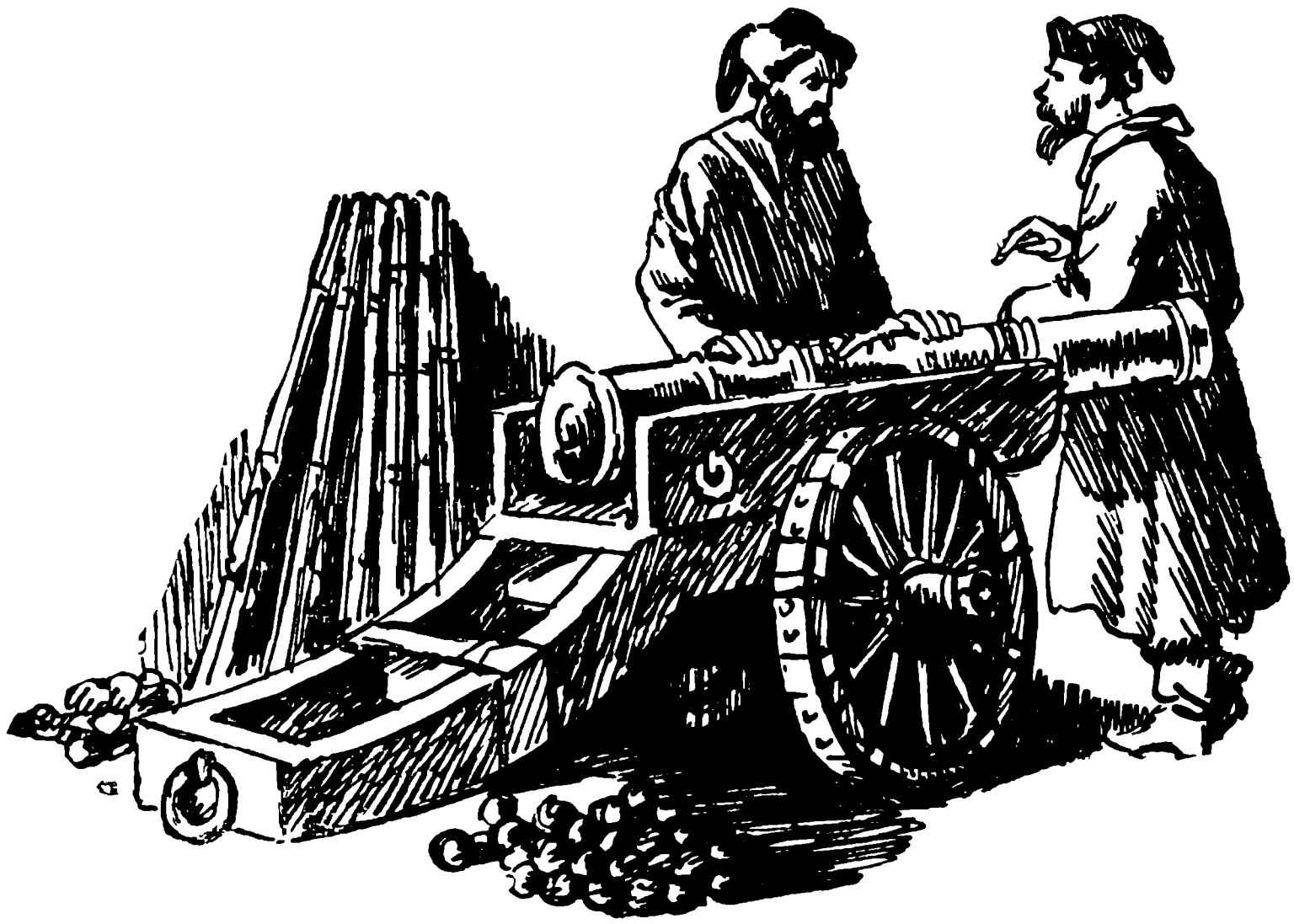
Роптали холопы на тяжкую свою долю. «Слезами, — говорили, — моемся, а горем утираемся».

Над варницами расстилался густой жёлтый дым. Соль пропитала землю. Соляные сосульки настывали по краям чанов. Солью, как снегом, замело дороги от промыслов до амбаров.

Расставив по засекам сторожевые отряды, Ермак разведывал про Сибирь. Посылал туда лазутчиков, беседовал с пленными татарами и вогуличами. Спрашивал, какой путь идёт за Камень, сколько воинов у Кучума, как дерутся и где у них крепости.

Кончалось лето. Хлеб уже стоял в скирдах. По утрам травы одевались серебряным инеем. Почернели лопухи. Желтел лист на берёзе.

Созвал Ермак казаков.



— Пойдём, — говорил, — на хана, славу себе добудем. А добра у Кучума много: на всех хватит.

Казаки согласились.

Пошли Ермак и Кольцо к Строгановым договариваться. Строгановы обрадовались. Уж очень вольно держали себя казаки: стрельцов дворовых задирали, самих Строгановых бранили, всякий запас не спрося брали. Пойдут за Камень — спокойнее будет. А повоюют ханские земли — именитым людям всё в прибыток.

Выторговали атаманы у Строгановых три пушки, да на каждого казака по три фунта пороху и свинца, по три пуда ржаной муки, по два пуда крупы и толокна, по пуду сухарей, по пуду соли да по половине свиной туши.

Пушки отбирал сам Ермак. Повёл его приказчик в амбар, где хранилось оружие. Долго приглядывался Ермак. Отобрал лёгкие пищали-ручницы. Носили их на ремне за спиной.

Отобрал Ермак и три пушки медные. На одной был изображён сказочный зверь василиск, на второй — малая птица соловей, на третьей — две девки.

— Знатные пушечки, — сказал приказчик. — У «Василиска» ядовитое жало, зло уязвляет врагов. Поёт «Соловей» — в ушах звон стоит. А как заголосят «Две девки», так только ноги уноси. Знатные пушечки! Делал их молодой литéц Проня Никитин, искусный мастер.

Закипела работа. На берегу дымились котлы со смолой. Чинили паруса. Тесали новые вёсла. Конопатили и смолили струги.

Атаманы осмотрели оружие. Велели чистить пушки и пищали, точить сабли и копья.

Начали перетаскивать со складов на струги припасы. Струги не выдержали тяжёлого груза — стали под берегом тонуть. Пришлось их разгружать.

Набили плотники добавочные борта, а часть припасов погрузили в малые лодки.

Наконец погрузка закончилась. Блестя смоляными боками, у берега мерно покачивались струги.

Всё своё войско — восемьсот сорок человек — Ермак разделил на сотни. Сотня имела двух пятидесятников — у каждого под началом пятьдесят человек. На каждые десять человек был ещё свой старший — десятник.

С войском ехали полковые писари, знамёнщики, переводчики, трубачи, литаврщики и барабанщики.

Ехали ещё три попа и старец бродяга — беглый монах. Ходил старец без рясы, умел кашу варить, из пушек стрелять и церковную службу знал.

Отслужили молебен, попрощались казаки со Строгановыми и 1 сентября 1581 года пошли в поход.

Жёлтые стяги развевались по ветру. Завывали трубы. Гремели барабаны и литавры. Казацкие струги направлялись вверх по реке.

ТРУДНЫМ ПУТЁМ, НЕПРОХОДИМЫМИ МЕСТАМИ

Плыла Ермакова дружина вверх по Чусовой.

Сурово громоздились к небу меловые скалы, каменистые кручи теснили реку, закрывали дали. Волнами с горы на гору перекатывались леса. Спускался к воде лось, закинув на спину ветвистые рога. Трещал валежник под ногами медведя.

На берегах — безлюдье. Изредка покажется остяк в оленьем кафтане и, завидев струги, уйдёт звериными тропами в тайгу.

Казаки плыли от восхода и до захода солнца.

Ночью разбивали на берегу стан, выставляли сторожевых, зажигали костры. Спали под звёздами, постелив на земле еловые ветки, а чуть голубело на востоке — гремел барабан, подымали паруса, плыли дальше.

С Чусовой нужно было перебраться на Туру и Тобол.

Искал Ермак небольшую речку, что с севера впадает в Чусовую, а исток имеет близ Туры.

Строгановы отпустили с казаками татарина Ахмеда. Попал он к русским в плен, а родом был из Сибирской земли. Служил Ахмед казакам проводником и переводчиком. Говорил, что плыть надо Межевой Уткой. Берёт свой исток Межевая Утка недалеко от реки Тагил, а река Тагил впадает в Туру.

Поплыли струги по Межевой Утке.

Река извивалась меж гор. Ели и лиственницы сбегали к самой воде. Тяжёлые хвойные лапы цеплялись за мачты стругов. Спустили паруса, плыли на вёслах.

У берегов торчали коряги. Всё чаще стали появляться мели и перекаты. Застревали суда, ударялись днищами о камни. Казаки лезли в студёную воду, волокли струги и лодки до плёса.

Ермак хмурился, посадил толмача Ахмеда с собой.

Вскоре и вовсе не стало дороги судам. Послал Ермак трёх казаков проведать, далеко ли до Тагила. Ахмеда-проводника велел связать.

Вернулись лазутчики.

— До Тагила-реки, — говорят, — далеко. А ходу по Межевой Утке стругам никакого нету. Мели да камни. Берег дикий, лесом порос — волоком тащить нельзя.

Ахмеда-проводника казнили: отрубили саблей голову.

— Так и всякому изменнику и вору будет, — сказал Ермак.

Повернули казаки обратно.

Ночью все проводники-татары убежали. Пришлось атаманам самим искать речной путь в Сибирь.

В воздухе кружились первые снежинки. По утрам закрайки болот затягивало льдом. С севера, гогоча и перекликаясь, тянулись треугольники диких гусей.

Ночью сторожевые заметили за мысом огонь. Подкрались тихонько к берегу. Видят — человек в долблёном челне смолу жжёт и рыбу острогой колет. Заарканили его казаки, привели к стану. Там накормили кашей. Пленный оказался вогулом. Плавал по рекам, промышлял рыбу острогой и сетями.

Казаки дивились его кафтану из налимьих кож. Спрашивали вогула, какими реками плыть за Камень.

Вогул назвал малую речку Серебрянку.

Текла Серебрянка каменистым руслом. Вода в ней была как серебро — светлая и чистая. Горы подымались здесь ещё выше. По крутым берегам шумели кедровые леса.

Поднялись в верховья. Воды здесь было меньше. Стали встречаться длинные отмели. Казаки городили реку парусами, как плотиной. Вода в берегах подымалась, и струги плыли вперёд. Снова мелела река, и снова казаки перехватывали её парусами.

Так добрались до самого верховья. Серебрянка текла здесь узким ручейком. Отсюда надо было идти волоком, а уже наступала зима.

Созвал Ермак казачий круг. Решили переждать здесь до весны. Начали строить городище. Копали землянки, рубили избы. Огородили жильё высоким тыном, вырыли ров, насыпали вал.

Когда зимовье было готово, вокруг уже лежали глубокие снега. Низкое зимнее солнце висело почти вровень со снегом. Темнело рано, а ночи были долгие. Бродили вокруг волки, выли на луну.

Недалеко от зимовья жили вогулы. Казаки ходили к ним за мясом лосей и диких коз, за сушёной рыбой. Ходили казаки и на охоту. Кололи медведя в берлоге, промышляли соболя и куницу.

Зима тянулась долго. От безделья стали казаки баловать. Жаловались вогулы Ермаку:

— Пришли твои люди — меха забрали, рыбу забрали, самих до крови изувечили.

Велел Ермак виновных батогами бить, а потом три дня на цепи держать.

— Вогуличи те мирные, живут бедно, нам зла не чинят. Держите себя в строгости, не то быть худу.

Подговорили два казака товарищей своих уйти от Ермака на Каму. Надоело им зимовать. Взяли пищали, порох, свинец, снедь всякую и ушли на лыжах.

Как узнал об этом Ермак — разгневался:

— Этак все разбегутся! Кто задумает отойти от нас — тому смерть!

Пустились за беглецами в погоню. Поймали в еловой чаще, привели к атаманам. Велели атаманы на омуте рубить проруби. На каждого беглеца по проруби.

Выстроились казаки на берегу ратным строем. Беглецов посадили в мешки, засыпали песком и, завязав, опустили в воду.

Мороз стоял такой, что слюна на лету замерзала. Проруби затянуло льдом. Казаки молча разошлись по избам.

В десяти верстах от казацкого зимовья протекала речка Жаровля. Жаровля впадает в Баранчу, а Баранча — в Тагил. Реки эти текут на восток, в Сибирскую землю.

Казаки рубили полозья, сколачивали их перекла-

динами. Ставили на полозья струги и волокли по зимнему насту до Жаровли.

Так перетащили суда, пушки, пищали и весь запас.

Зима шла на убыль. С глухим шорохом садился снежный наст. Солнце подымалось над вершинами лиственниц. Дул юго-западный ветер. Зачернели проталины, обтаяли кругом родники и проточины. Начали токовать по утрам глухари.

Посинела река, вышла из берегов, ломая ледяной панцирь, и разлилась по низменным местам.

На север летели шумные птичьи полчища. Треугольниками, как корабли, построенные к бою, плыли в туманном небе журавли. Стон стоял в воздухе от птичьего крика.

Прошёл лёд. Казаки спустили струги и весенней бурной водой поплыли прямо на восход.

Рассветы были ясны. Цвела верба. Билась у берегов рыба.

РАТНОЕ ПЛАВАНИЕ

Плыли струги по Тагилу. Дорогой встречали кочевья сибирских народов. Люди они были мирные. Перебирались с пастбища на пастбище. Завидят казаков — своротят в сторону, подальше от берега.

Добрались казаки до Туры. Здесь жил народ оседлый. Пахали землю, сеяли хлеб. Правил ими князёк Епанча, Кучумов данник.

Выслал Епанча конных разведчиков — следить за казаками. Рыскали разведчики по берегу, таились за деревьями, высматривали, сколько плывёт воинов, доносили князьку.

Собрал Епанча своих людей. В том месте, где Тура делает большой изгиб к северу, устроил засаду. Спрятались татары в прибрежный тальник.

Из-за мыса выплыли казацкие струги. Звенели литавры, отбивая такт гребцам. На ветру полоскались боевые знамёна.

Натянули татары тугие тетивы из бараньих жил. Заныли стрелы, не долетели до стругов — упали в воду́.

Ермак не велел стрелять, и струги понеслись дальше.

Казаки гребли, запрокинув головы, дымились уключины, а за кормами тянулся белый пенистый след.

Пока огибали мыс, Епанча зашёл со своими людьми вперёд. Место здесь было узкое, и стрелами ранило несколько казаков. А воины Епанчи, столпившись на берегу, что-то кричали и размахивали копьями.

На атаманском струге забил барабан — готовиться к бою. Казаки раздули фитили, прицелились. Грянул залп. Епанчовы воины не знали «огненного боя». Смотрят — дым идёт, огнём полыхает, гремит с лодок; падают мёртвые и раненые, а стрел не видно.

В страхе бежали татары и вогулы к своим деревням — улусам.

Ермак велел пристать к берегу. Бросились казаки за Епанчой в погоню. Захватили его юрту, разграбили и сожгли. Епанча со своими воинами ушёл от погони на конях. Из улуса в улус неслась весть о том, что из-за гор плывут люди, которые громом гремят и молнии мечут.

Казацкие струги плыли вперёд, не встречая сопротивления. Ночи были короткие — заря с зарёй сходилась. Донимал гнус. Забирался в уши, в ноздри, в глаза. Казаки, чтобы оберечься, жгли гнилушки и сырой мох. Белый едкий дым клубился над стругами.

При впадении Туры в Тобол подстерегали казаков татары. Шесть князей собрали всех своих воинов. Командовали татарской ратью старшие князья—Кашкара, Варвара́ и Майтмас. Дрались татары упорно.

Несколько дней длился бой: то русские потеснят татар, то татары — русских.

Пошли казаки на приступ. Враг не выдержал, дрогнул и побежал, оставив на месте раненых и убитых. Казаки захватили большую добычу, едва на струги погрузили.

Однако татары перестали пугаться пищальных выстрелов и не отставали. Шли берегом за стругами.

Казаки раздували фитили. Держали наготове пушки и пищали.

Река здесь огибала известковые утёсы на левом берегу, а по правому берегу раскинулись заливные луга, озёра и болота.

Татары шли левым берегом, густой порослью березняка. Нападали на казаков, метали в них стрелы и копья. Держались они врассыпную. Прятались за деревьями и буграми.

Донесли Ермаку лазутчики, что важный Кучумов чиновник — есаул Алышай — там, где берег к берегу теснится, перегородил реку цепями, караулит русских.

Ермак велел связать пучки хвороста и надеть на них казацкие кафтаны. Как стали приближаться к засаде, рассадили чучела по стругам. Оставил Ермак на судах рулевых, а с остальной дружиной сошёл на берег.

Хоронясь за кустами, продвигались казаки к засаде. Струги доплыли до цепей, остановились, начали в груду сбиваться. Алышай махнул саблей. Замелькали стрелы, полезли Алышаевы воины на струги. Тут в спину им ударила Ермакова дружина. Грохнули пищали. Березняк окутался дымом. Поняли татары обман, повернули от чучельной рати на берег.

Сеча была жестокая. Бились грудь о грудь. Высокая трава зардела от крови. Старый, сизоусый Бондаренко окованной железом палицей разбил шелом на голове татарского воина. Пал оглушённый татарин на землю. Бондаренко его связал.

Проньку Копыто стрелой ранило в левую руку. Остановился Пронька стрелу вынуть. Налетел на него татарин, выбил копьём саблю. Пронька припал к земле, вытащил из-за голенища засапожный нож и убил татарина.

Зашли казаки с левой руки. Засели за бугор, стреляют из пищалей.

Видят татары — русских не одолеть. Пробились к лесу и ушли.

Вечерело. Солнце садилось за чёрные вершины лиственниц. С реки повеяло холодом. На болотистом берегу медленно тонул в сизом тумане густой тальник.

Казаки намазали медвежьим салом раны, сняли с убитых татар кольчуги [1], собрали щиты, копья и саадаки [2], поплыли дальше.

Одолевали казаков оводы и мошкара, ныли раны. Сибирцы передохну́ть не давали.

Пришли к устью Тавды.

Проводники-зыряне, что молились пёсьеглавым идолам, говорят:

— Вверх по Тавде и дальше через Камень идёт дорога на Русь.

Разбили казаки стан, стояли неделю, совещались, что делать дальше. И в Ермаковой дружине нашлись робкие.

— Надобно, — говорили, — на Русь ворочáться. Хана нам не одолеть. Зря задираемся. Ждёт нас в Сибирской земле смерть.

Но таких было немного. Решили пробиваться дальше. Захватили в одном улусе татарина. Одет он был богато. Шапка из тёмного соболя. Сабля с золотой насечкой по клинку. На коне — седло из красного сафьяна и сбруя с серебряными бляхами. Назвался татарин Таузаком, слугой Кучумовым. Ездил собирать дань.

---

[1] Кольчуга — броня вроде рубашки из мелких металлических колец.

[2] Саадак — всё вооружение лучника, то есть лук, колчан и чехол к ним.

Ермак позвал пять казаков — искусных стрелков. Повесил на берёзу железную кольчугу, велел стрелять. Выстрелили казаки. Подошёл Таузак к кольчуге, видит — пробита насквозь. Покачал головой, щёлкнул языком. Ермак посадил его с собой.

— Собирался, — говорит, — навестить вашего хана, да вот задержался в пути. Должен возвращаться на Русь.

Потом расспросил татарина про Сибирское царство.

Перепуганный Таузак косил глазом в сторону, думал: не сносить головы.

Рассказал, что хан Кучум стар и глазами болеет. Живёт в городе Кашлыке, или Сибири[1]. Старшим у хана — племянник его Махметкул. Отважный воин, яростен в битве. Нет ему равного в Сибирской земле.

Рассказывал Таузак, что дают Кучуму ясак вогуличи, остяки и самоеды. Веры Магометовой эти данники не признают. Почитают камни, зверей и птиц. Молятся идолам деревянным, каменным и медным, которых сами же и делают. Одевают идолов в меха, мажут кровью и жиром, чтоб были милостивы.

Говорил ещё Таузак, что воинов у хана много, что ведёт он с Бухарой и Самаркандом большой торг мехами.

Ермак подарил Таузаку кафтан голубого сукна, дал подарки для хана и для знатных мурз.

---

[1] Татары называли столицу Кучума Кашлыком, или Искером, русские — Сибирью.

Таузак не спеша надел дарёный кафтан, поклонился низко Ермаку, коснувшись правой рукой лба и сердца, и сказал по-татарски:

— Бог велик!

Тихой рысцой он тронулся в путь.

Отъехав за берёзовый лесок, Таузак плюнул на землю, проклял неверных, сорвал с себя голубой кафтан, привстал на стременах и, злобно гикнув, помчался в Кашлык.

ХАН КУЧУМ

Кровав был путь Кучума к ханской власти.

Захотел хан утвердить в царстве веру своих отцов.

Вогулы, остяки, зыряне и пелымцы, которые платили дань Кучуму, крепко стояли за своих идолов.

— Богаты мы богами, — говорили они, — живут боги подле нас. Наши боги растут деревьями в лесах, рыщут в дебрях зверем, плещутся в реках рыбой. Наши боги летят в облаках птицами, сияют в ночи звёздами, проливаются с неба дождём. Твоего бога мы не видели, где живёт — не знаем. Не будем ему молиться.

Послал Кучум гонца к отцу своему, бухарскому хану Муртазе. Просил помощи. Приехал из Бухары Кучумов брат Ахмет-Гирей с войском. Приехали муллы [1].

Стали водворять веру мечом:

— Нет бога кроме бога: к нему всё возвращается. Магомет — пророк его. Поклонитесь аллаху и увидите свет истинной веры.

Но дикие лесные жители никакого света не видели и уходили в леса молиться своим болванам.

Время уходило.

Бритая голова хана Кучума пожелтела и высохла, как свиток пергамента. Глаза гноились. Красные веки дёргались от острой боли.

Кучум мазал глаза душистым зельем. Привозили его купцы из Бухары. От зелья резь утихала. Но видел Кучум плохо, словно сквозь мутную плёнку. Предметы расплывались, а люди были все на одно лицо.

Жил Кучум богато.

Он подчинил себе все татарские племена от Исети и Тобола до верховьев реки Омь и озера Чаны. Ему

---

[1] Мулла́ — магометанский священник.

слали дань с севера — с низовьев Оби и с юга — из Барабинских степей.

Охотники платили ясак тёмными соболями, серебристыми бобрами, лисицами чёрными и красными, выдрами, белками и горностаями. Данники с берегов Вагая радовали сердце хана ловчими птицами — соколами и кречетами. Бортники [1] приносили в липовых колодах мёд и воск. Из степей пригоняли косяки быстрых скакунов, отары жирных баранов, привозили шерсть и кожи.

Весной, когда просыхали дороги, с юга, звеня колокольцами, тянулись караваны верблюдов. Купцы из Хивы и Бухары везли самоцветные каменья, пёстрые шелка, мускус, перец и ревень, ковры афганские и персидские.

Но Кучум был печален.

«Становлюсь стар, — думал он. — Если что случится, данники от меня отступятся. В Бухаре подрастает Сеид-Ахмет — Бекбулатов сын. Точит на меня зубы, волчонок!»

Хан сидел на ковре, поджав под себя ноги.

Рядом, склонившись над низкой скамеечкой, толстый перс-казначей составлял список бухарских товаров.

Он с удовольствием выводил на желтоватом пергаменте узорные буквы и вполголоса перечислял:

---

[1] Бортник — пчеловод, собирающий мёд в бортях, то есть в колодах или дуплах, где роятся дикие пчёлы.

— ...сёдел зелёного сафьяна — пятнадцать, стремян серебряных резных — сто, шлемов медных дамасских — тридцать, кольчуг афганских — тридцать, щитов — тридцать, клинков грузинских — сто, клинков хоросанских — сто...

— Мало оружия, — перебил его Кучум. — Мало оружия. Быть войне!

— ...саадаков — сто... — продолжал бормотать казначей.

Хан задумался.

Перс закончил список, с удовольствием поглядел на него, посыпал жёлтым песком.

— А сегодня знахарь-шайтанщик на базаре, — сказал казначей, обращаясь к Кучуму, — ругал твоих мулл и говорил, что было ему знамение. Белый волк выходил на остров драться с чёрной собакой. Волк пришёл с Иртыша, а собака — с Тобола. Побила собака волка. Толковал шайтанщик, что собака — это русский атаман из-за гор, а волк — это мы, правоверные.

Кучум долго смотрел на казначея, потом проворчал:

— Этот шайтанщик хочет читать в книге судеб! Глаза его здоровы, но видит он плохо. — И, улыбаясь, добавил: — Схватите его, и пусть жеребцы размечут в поле его тело во имя бога милостивого и милосердного.

— Будет исполнено, повелитель, — ответил казначей.

В комнату, неслышно ступая, вошёл слуга, остановился у дверей и, поклонившись до земли, пропустил вперёд запылённого человека.

Это был Таузак.

Пошатываясь от усталости, он рассказал хану о своей встрече с казаками.

— Идут, — говорил он, — неверные из-за гор. Войско у них меньше нашего, но всех сокрушает на своём пути. Луки у них диковинные — долгая палка. Выстрелят — дым идёт и гром гремит. Стрел не видно, а люди падают мёртвые. Никак от них нельзя за-

щититься. И панцири и кольчуги наши — всё пробивают невидимые стрелы.

Потом Таузак принёс подарки, которые Ермак послал хану и князьям-мурзам.

— Сказал русский воевода, что хотел к тебе в гости прийти, да задержался в пути и возвращается обратно.

Кучум внимательно осмотрел подарки, поднося их близко к гноящимся глазам, пощупал сукно и велел позвать мурз и военачальников.

— Быть войне, — сказал он. — Пришли из-за гор русские. Собирайте воинов. Пошлите гонцов, пусть скачут по всем городкам, улусам и юртам — зовут данников ко мне с оружием. Раздайте гонцам вместо грамот золочёные стрелы. Как получат данники эти стрелы, пусть спешат и не ожидают других приказов. Истинно сказал пророк о неверных: бог запечатал сердца их и слух их, и на очах их покрывало: им будет мучительная казнь!

БОЙ ПОД ЧУВАШЕВЫМ МЫСОМ

От восхода до захода и ночью, при свете костров, татары строили укрепления. Вокруг ханской столицы Кашлыка рыли глубокий ров, на дорогах рубили засеки. У Чувашева мыса, на восточном берегу Иртыша, насыпали высокий земляной вал и обнесли его деревянным тыном. На вершинах холмов заготовляли сухой хворост и смолу для сигнальных костров.

Гонцы с золочёными ханскими стрелами мчались

от улуса к улусу, созывая рать. Из лесных дебрей, из топких болот шли к Кашлыку князцы со своими воинами.

У речных бродов и на перекрёстках дорог стояло по двое караульных. Один, не слезая с седла, кормил коней, другой, забравшись на вершину дерева, высматривал врага.

Сам царевич Махметкул пошёл на Тобол встречать русских.

И вот караульный с дерева увидел струг. Это было разведочное судно. Шло оно впереди других и называлось «ертаульным», а сидевший в нём отряд — «ертаулом».

На вершинах холмов запылали красные сигнальные огни, выбрасывая в небо крутящиеся языки чёрного дыма.

Татары напали на ертаул, засыпали судно тучей стрел.

На шум выстрелов поспешили остальные струги. Сошли казаки на берег. Закипел бой.

Царевиц Махметкул ринулся на казаков со своей конницей, вооружённой стрелами, копьями и саблями. На каждого казака приходилось десять татар. Казаки не выдержали стремительного натиска, ряды их дрогнули, стали отходить к берегу. Тогда вперёд протеснился Ермак и, ободряя казаков, начал рубиться с татарами.

Пять дней длился бой. Лужи крови стояли на глинистом берегу. Трупы мешали татарам пробиваться вперёд на конях.

Махметкул отошёл за береговые утёсы, осыпал оттуда казаков меткими стрелами.

Струги поплыли дальше.

На правом берегу Тобола изогнулось подковой длинное озеро — Карача-куль. Здесь жил знатный татарин — ханский советчик Карача.

Ермак со своей дружиной высадился на берег и стремительным натиском занял городок Карачи.

Казаки забрали много золота, серебра и драгоценных камней. Несколько дней грузили на струги зерно, мёд и бараньи туши.

Татары не показывались.

Сорок дней стоял Ермак в городке Карачи. Казаки отдохнули.

В сентябре струги направились вверх по Иртышу. После небольшого сражения казаки заняли укреплённый городок мурзы Атика.

Здесь Ермак решил зимовать. Расположились казаки на покой.

Ночью сторожевые услышали конское ржание и лязг сабель. Ударили в барабаны, подняли тревогу. Запылали костры. До рассвета вглядывались в осенний мрак, ждали нападения.

Утром Ермак разослал по улусам людей — собирать продовольствие. Однако татары из окрестных селений разбежались. По дорогам рыскали конные отряды царевича Махметкула. Раздобыли казаки только немного пшеницы и ячменя. Хлеба оставалось на месяц. Бараньи туши протухли. Впереди были зима и голод.

* * *

К Чувашеву мысу и днём и ночью шли подкрепления. За высоким валом засели конные и пешие отряды.

С тревогой смотрели на них казаки.

Уже раздавались робкие голоса:

— Надо уходить от злой погибели...

Собрался казачий круг. Один за другим выходили простые казаки, сотники и пятидесятники, низко кланялись всему войску и держали речь.

— Время, — говорили, — позднее. Скоро снег ляжет. Нетрудно и зазимовать в чужой стороне. Окружит нас татарин, изведёт всех поодиночке.

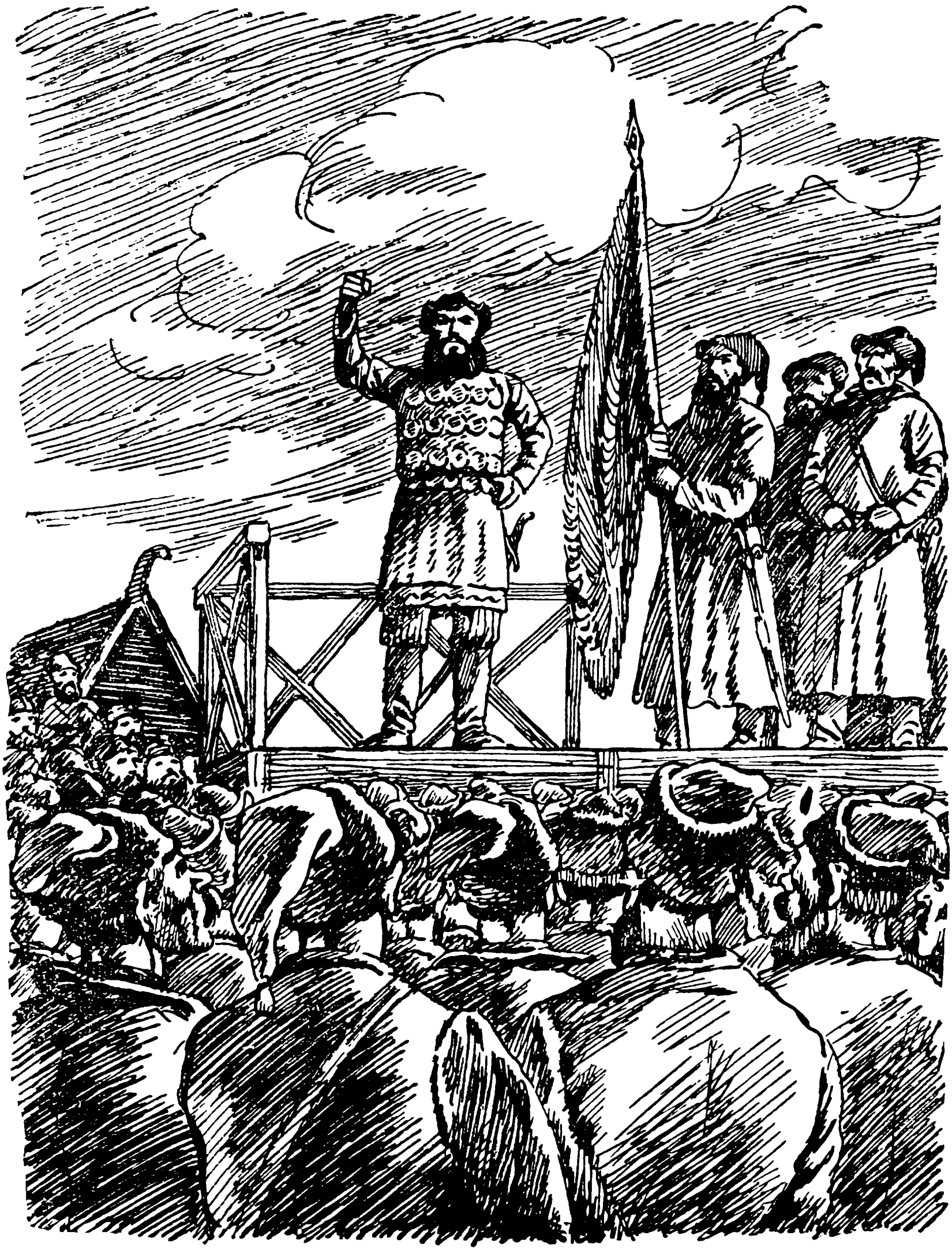
Ермак молчал, сердито насупив брови, и теребил край своей кольчуги.

Вышли перед кругом атаманы.

— Видишь, — говорил Мещеряк Ермаку, — тар-то сила какая — несметное множество рати! Кучум нас всех положит, живой души не оставит. Не возьмём мы Сибири, добычи лишимся и родной земли не увидим. За крохой погонимся — ломоть потеряем.

— Что нас впереди ожидает, если случится пройти вперёд? — спрашивал казаков атаман Никита Пан. — Нынче и осень на исходе, и снег уж идёт, и река скоро станет. На стругах не пробраться. Зазимуем под небом без хлеба, без тёплого крова. Либо сгибнем от голода в снежном сугробе, либо угомонит нас татарин.

Наконец вышел перед кругом Ермак и сурово оглядел воинов. Карие глаза его блестели сухо, губы вздрагивали от злости.



Наконец вышел перед кругом Ермак...

Казаки, понурясь, ждали.

— Перья сокольи, а крылья-то, видно, вороньи. Летели хорошо, а сесть не умеете, — сказал наконец Ермак, криво усмехаясь. — На полати захотели? По хатам соскучились? Ждут вас за Камнем не бабы и дети — ждёт вас, казаки, виселица да плаха. Гладить вас будет вострый топор, обнимать — петля пеньковая. Где ваша удаль казацкая? Как псы шелудивые, хотите бежать, поджавши хвост, от татарского пинка! Забыли, как татарские ханы нашей кровью землю поили, жён и детишек в полон умыкали?

Голос Ермака раскатывался над толпой всё громче и громче. Казаки оживились и одобрительно кивали головами.

— Хлеба у нас нет, крупы нет. Чем прокормимся? Реки застынут, на стругах не пройдём через Камень. В спину враг зло уязвляет. Одна нам дорога: либо в стремя ногой, либо в пень головой. Люди мы русские. Обида в сердце живёт на ханские лютости. Отольём ханам сиротские слёзы!

— Ладно сказал атаман, — решили казаки. — Пойдём на Сибирь биться с ханом.

* * *

Наступило утро 23 октября 1582 года.

Небо на востоке побагровело, как железо на наковальне. За Чувашевым валом дымились костры. Утренний ветерок доносил запах баранины.

Ржали кони, скрипуче ревели верблюды. Копья вдали колыхались, как стебли сухого тростника.

Ермак выстроил казаков в два ряда. Передний ряд должен был стрелять, а стоявшие во втором ряду — заряжать пищали.

Вместо пуль нарубили железные прутья, чтобы раны были злее. Пушки установили на вершине холма.

Атаманы обошли ряды.

— Будьте смелы сердцем, — говорили они казакам. — Стойте крепко, плечом к плечу. Бейтесь, не щадя голов своих!

Ермак, обнажив голову, долго смотрел на Чувашев вал. Потом пригладил волосы, надел шелом и взмахнул саблей.

Зарокотали барабаны, звонко грянули литавры, колыхаясь поплыли вперёд знамёна.

Казаки пошли в бой. Из-за вала полетели стрелы и копья. Татары опрокидывали на осаждающих горшки с кипящим дёгтем. Остяки дули в берестяные трубы. Вогулы бряцали щитами.

На вершине холма, над белой ханской палаткой, развевалось зелёное знамя. Кучум наблюдал за битвой. Муллы, воздевая к небу руки, молили у аллаха победы над неверными.

Рядом с палаткой вытянули медные дула две пушки. Кучуму привезли их из Казани. Пушки были в четыре аршина длиной и стреляли полупудовыми ядрами. У пушек возились бухарцы.

Казаки полезли на вал. Татары сбрасывали их копьями, рубили саблями. Махметкул на сухом гнедом жеребце носился взад и вперёд, размахивая кривой саблей и криками подбадривая своих воинов.

Татары теснили ка́заков.

Ермак велел выстрелить из пушек холостыми зарядами. Видя, что от пушек вреда нет, татары осмелели и, разломив засеку, бросились в рукопашный бой.

Казаки отступали. Конница Махметкула мчалась через проломы в поле. Казаки, отходя, смотрели на войсковое знамя, возвышавшееся на холме рядом с пушками.

Татары были уже на расстоянии полёта стрелы. Слева заходили вогулы в волчьих кафтанах; справа теснились остяки с деревянными щитами, обтянутыми лосиной шкурой.

Войсковое знамя на холме медленно наклонилось, поднялось и опять наклонилось. Казаки остановились и повернули лицом к врагу.

Грянули русские пушки.

Калёные ядра попали в гущу Махметкуловой конницы. Всадники отпрянули в сторону.

На осенней, тронутой морозом траве лежали умирающие. Окровавленный конь храпел, рыл копытом землю. Протяжно ревел, припадая на передние ноги, верблюд.

Пушкари раздували угли в глиняных горшках, лили на пушки воду, чтобы остудить их. После выстрелов над пушками взмётывались плотные клубы дыма. Запах горячей меди смешивался с горьким пороховым угаром.

Пушкарь Матюшка, туго запыжив пушку куском овчины, схватил клещами калёное ядро, опустил ядро

в дуло и поднёс к затравке пальник. Пушка выстрелила и отскочила назад.

Реже гремели пищали. Шёл рукопашный бой, сабли лязгали по железным шеломам. Атаманы дрались в первых рядах, покрикивая на отстающих казаков.

В гуще битвы мелькали пики и стрелы, слышались злобные взвизги татар, хрипение раненых под копытами коней, лязг сабель о панцири и шлемы. Сквозь пороховые облака мутно светило медное солнце.

Налетел на Ермака конный татарин в стальной кольчуге и, гикнув, замахнулся саблей. Атаман подался в сторону, ударил коня между ушей. Оглушённый конь припал на передние ноги. Ермак выхватил татарина из седла, поднял над головой и швырнул на землю. Татарин и не охнул.

Солнце склонилось за полдень. Мерно падали русские ядра, отсчитывая смертное время. В белой палатке сидел Кучум, смотрел на сечу, шевелил сухими губами.

Казаки устали.

Молча рубился Ермак. Молча взмахивал тяжёлым кистенём атаман Иван Кольцо. И только пятидесятник Богдан Брязга зычно вскрикивал и косил саблей смертную ниву.

Смотрел на сечу старый хан. Оттуда, с холма, сеча казалась неподвижной.

Велел хан бухарцам стрелять из пушек. Бухарцы суетились, совали пальник в дуло, испуганно качали головами.

На поле царевич Махметкул подбодрял своих конников.

Упало ядро. Махметкул не успел натянуть поводья. Конь взвился на дыбы, запрокинулся и тяжело рухнул на землю. Попробовал царевич встать — ногу ломит, по золочёному персидскому панцирю струится кровь. Подхватили мурзы Махметкула, уложили в лодку, перевезли на другой берег.

Заколебались татарские ряды, начали отходить к валу.

Остяки, забрав большого идола, бросились в лес.

Молчали Кучумовы пушки.

— Вы умрёте! — пригрозил хан неумелым пушкарям.

— Смерть — это чёрный верблюд, который преклоняет колена у порога каждого дома, — спокойно ответил ему краснобородый бухарец.

— У твоей собачьей конуры он уже преклонил колена! — в ярости закричал хан и велел бухарцев повесить, а пушки бросить с крутого берега в Иртыш.

Татары бежали к засеке.

Мурзы поскакали навстречу бегущим, врезались в толпу, стегали нагайками, проклинали, но не могли остановить их.

А русские уже рубились устало, чувствуя тяжесть доспехов.

Осеннее, блёклое солнце садилось за лесом. Гасли багровые блики на шлемах и панцирях. Татарский лагерь уходил. Мелькали в толпе бараньи шапки и саа-

даки. На длинных копьях с медными шарами развевались белые конские хвосты. Впереди ехал Кучум, запахнув полы халата.

Всё глуше доносился конский топот.

Казаки на валу зажигали костры. Стонали раненые.

Вечер был тих и безветрен. Пламя спокойно подымалось к сумеречному небу.

Хлопьями чёрного снега кружили над битвенным полем во́роны.

ВЕТЕР РАЗВЕВАЕТ РУССКИЕ ЗНАМЁНА НАД СТЕНАМИ КАШЛЫКА

Столица Кучума — град Кашлык стоял на восточном берегу Иртыша.

К самой воде спускались крутые, обрывистые склоны. Пологий скат был окружён тройным земляным валом. Между валами тянулись глубокие рвы. На краю ската возвышался толстый бревенчатый палисад. Отсюда осаждённые могли метать стрелы, копья и камни.

Крепость казалась неприступной.

Кучум, однако, решил её покинуть. В городе не было колодцев, а казаки могли отрезать спуск к Иртышу. К тому же уходили ясачные народцы. Бежали в леса остяки. Бежали через болота в свои юрты вогулы.

25 октября на рассвете распахнулись городские ворота. Кучум со своим войском уходил из Кашлыка.

Розовел восток. Из мрака выступили дома, теснив-

шиеся на склонах, как стадо чёрных коз. Быстроногие жеребцы, вытянув шеи, заливистым ржанием встречали рассвет.

По мостам через глубокие рвы проходило татарское войско. Мерно покачивались верблюды, груженные тяжёлыми вьюками. Надменно подняв свои плоские головы, они лениво ступали по влажной дороге.

Вереницей шли ханские рабы. У каждого на шее — железный обруч с кольцом, а сквозь кольцо продета тяжёлая цепь.

Конники тревожно оглядывались назад — не идёт ли враг, зло покрикивали, хлестали рабов нагайками.

Над опустевшим городом подымалось багровое солнце.

А казаки хоронили умерших. Сто семь человек пало в бою под Чувашевым мысом. Стояли над могилами атаманы, стояли пятидесятники и десятники. Стояли, склонив знамёна и обнажив головы.

Из-за сизых туч отвесно падали солнечные лучи. Ветром с поля доносило трупный смрад.

Вернулись лазутчики, говорят — уходит хан из Кашлыка. Казаки не верили, боялись засады. Прождали ночь, опять послали лазутчиков. Те пробрались к городскому валу, видят — ворота распахнуты, город пуст, в домах тихо.

Повёл Ермак казаков в Кашлык.

Знамёна, шлемы, пики, пищали — всё колыхалось в мерном движении. Рокотали литавры, победно гремели трубы.

Лица казаков почернели в битвах. Разорванные кольчуги цеплялись о рукояти сабель.

Над стенами ханской столицы развевал ветер русские знамёна. Развевал большое полковое знамя. На нём был изображён всадник, поражающий копьём змея. Развевал ветер малые сотенные знамёна, на которых стояли друг против друга, изготовившись к бою, белые львы и единороги.

Со стен Кашлыка смотрел Ермак на серые воды Иртыша, на широко расстилающиеся луга, на берёзовые колки, зелёными отарами убегающие к горизонту.

От Кашлыка вверх по Иртышу за Абалакский мыс уходила жёлтая дорога. Там, за мысом, разбил свой стан Кучум.

Кашлык стал русским. Много разного добра нашли здесь казаки. Были тут и меха, и ковры дорогие, и золото, и ткани. Не было только съестных припасов, а главное — хлеба.

Казаки установили на валах пушки, расселились по домам, стали ждать.

На четвёртый день пришёл в Кашлык остяцкий князёк Бояр. Пришёл он с реки Демьянки, принёс меха, вяленую рыбу, медовые соты.

Говорил Бояр, что при Кучуме остякам было худо. Обижал хан остяков, брал большой ясак и идолов рушил. Просил Бояр милости, обещал платить дань русским.

— Мы, — говорил он, — от Кучума отступились.

Ермак велел остякам принести присягу по их вере.

Остяки поставили в избе толстую ёлку. Под ёлкой постелили медвежью шкуру. Положили на шкуру две сабли, положили хлеб и рыбу. К еловым ветвям привязали две сабли остриём вниз.

Обошли остяки вокруг ёлки, что-то приговаривая. Низко поклонились солнцу.

Бояр налил в глиняный жбан воды, опустил в неё золотую бляху.

Пил воду мелкими глотками. Пил воду, смотрел на Ермака, говорил:

— Кто изменит, а ты, золото, чуй.

Выпили остяки воду с золота, стали русскими данниками. Ермак отпустил их домой.

За Бояром пришли татары с Иртыша, пришли князцы Ишбердей и Суклем со своими воинами. Принесли Ермаку меха, мясо и рыбу, присягали в своей верности.

Татары целовали окровавленную саблю, остяки клялись на медвежьей голове, вогулы проходили между половинами рассеченной надвое собаки.

Ермак разрешил им жить в прежних улусах.

— Будете жить покойно — и мы вас не тронем, — говорил атаман. — А станет вас хан обижать — будет от нас помощь и защита.

* * *

Мирно жили казаки. Ловили рыбу, били зверя. Разъезжали небольшими отрядами по татарским селениям. Их встречали без злобы, кормили, платили ясак. Казаки перестали беречься.

За Бояром пришли татары с Иртыша...

А кругом рыскали Кучумовы лазутчики. Высматривали русских и обо всём доносили хану. Махметкул, племянник Кучумов, залечил раны, сел на коня, тая в сердце злобу.

На берегу Иртыша, на заливных лугах, шумит осокой длинное проточное озеро Ебалак-бюрень.

Поехали туда на рыбный промысел двадцать казаков. Озеро затянулось льдом. Из-под снега торчал сухой, побуревший камыш. Казаки поставили шалаш, прорубили лёд, стали ловить лещей, окуней и щук.

Стемнело рано. Мела позёмка. Рыбаки устали и легли на покой, не выставив сторожевого.

А в камыше хоронился татарин. Стянул коню морду сыромятным ремнём, чтобы не ржал. Увидел татарин, что русские легли спать, вскочил на коня и помчался к Кучуму.

Крепко спали русские.

Ночью подкрался Махметкул со своими воинами, перерезал всех спящих.

Только один казак укрылся в темноте и уполз в тальник. Какой-то конный татарин отбился от своих, стал шарить по берегу. Казак вышел из тальника и схватил татарина за горло. Татарин стал вырываться, хотел кричать. Задушил его казак, вскочил в седло и поскакал в Кашлык. У атаманской избы, где раньше Кучум жил, рванул поводья и прянул с храпящего коня на землю.

Разбудил Ермака, говорит:

— Татары ночью во тьме схоронились, рыбаков сонных перерезали.

Пустился Ермак в погоню.

Вихрем мчались казаки. Кони распластывались до земли. Ветер свистел в ушах. Снег летел из-под конских копыт.

Махметкул не ожидал скорого преследования. Татары рысцой ехали по берегу Иртыша, обсуждая удачное дело. Вдруг слышат за спиной конский топот.

Обернулся Махметкул, глядит во мрак.

Налетели русские, начали рубиться. Искры летели во тьме от сабельных ударов. Кони взвивались на дыбы, сшибались грудью, грызли друг другу шеи.

Яростно рубились казаки. Пленных не брали. Завалили снег татарскими трупами. Махметкул со своими воинами едва ушёл на быстром ногайском жеребце.

Убитых казаков Ермак с честью похоронил на старом ханском кладбище.

Велел, если придётся заночевать в поле, выставлять караульных и глаз не смыкать.

ПОСОЛЬСТВО ЕРМАКА

Когда казаки жили ещё в строгановских городках, подговорил Кучум вогулов с реки Пелымы напасть на Пермские земли.

Едва Ермак тронулся в поход, пелымский князец осадил Чердынь, перебил много русских, сжёг их дома и разграбил имущество.

В Чердыни воеводой был Василий Пелепелицын,

тот самый Пелепелицын, которого Кольцо и Барбоша ограбили на Волге.

Послал Пелепелицын в Москву челобитную, писал, что Строгановы держат у себя воровских казаков и что те казаки задирают вогуличей, вотяков и пелымцев и тем задором ссорят русских с сибирским ханом.

Царь Иван разгневался и отправил Строгановым опальную грамоту с чёрной восковой печатью. Обвинял он Строгановых в измене, казаков обещал перевешать, а именитым людям грозил великой опалой.

Грамота эта была написана 16 ноября 1582 года.

Царь ещё ничего не знал о победах казаков в Сибири.

Весть об опальной грамоте не успела дойти до Ермака.

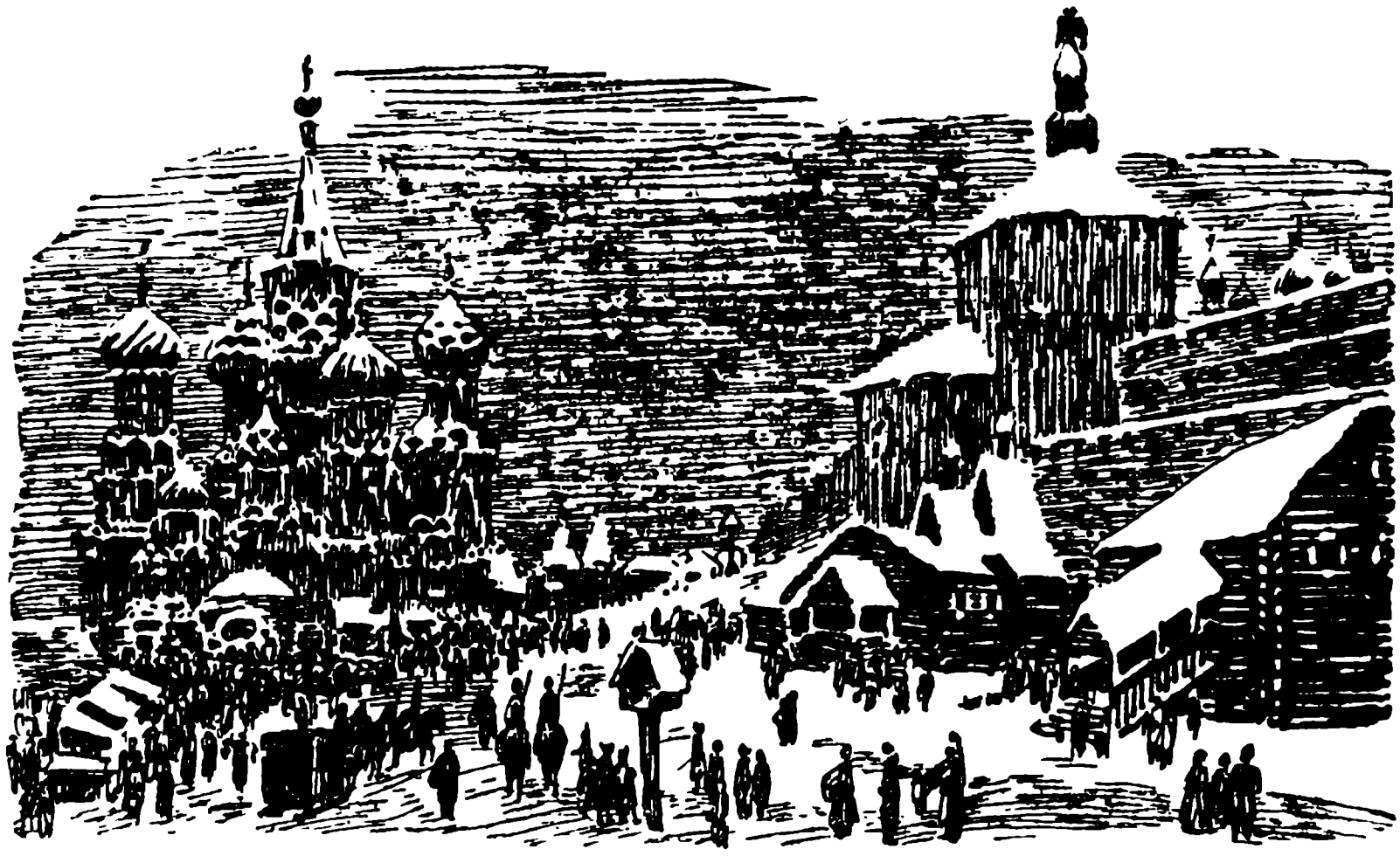
22 декабря отправил он в Москву атамана Ивана Кольцо. Повёз атаман в Москву шестьдесят сороков соболей, пятьдесят бобров чёрно-карих, двадцать лисиц чёрно-бурых. Повёз Кольцо и челобитную. Писал в ней Ермак о своих победах, о завоевании Сибирского царства, о бегстве Кучума.

Поехал Кольцо зимним путём, в нартах. Ехал по Тавде на Чердынь. В нарты запрягали то собак, то оленей. Через Камень провожал казаков остяцкий князец Ишбердей.

От Чердыни поехали лошадьми.

Путь был долгий. Сидели казаки в санях, смотрели на зимние звёзды и пели со скуки татарские песни.

Через Каму перебрались по льду. Поглядел Коль-



цо — в поле снегом скирды замело, на бугре мельница вертит крыльями, мужик в рваном армяке развалился на дровнях, понукает лошадёнку, над курным овином вьётся чёрный дымок. Потянул атаман ноздрями воздух — хлебом печёным пахнет. Заныло сердце — родная земля...

Всё чаще стали встречаться конные и пешие. По дороге тянулись тяжёлые, укутанные холстом сани с мукой и зерном, обозы с солёной рыбой, дровни с кожами и мёрзлыми коровьими тушами.

Наконец вдали показалась Москва.

На много вёрст по холмам раскинулась столица. Иноземные послы насчитывали в ней сорок тысяч домов и, дивясь её величине, говорили, что Москва вдвое больше Флоренции и даже больше Лондона.

Несмолкающий шум доносился из города. В розо-

вом морозном дыму золотом горели купола московских церквей.

Казаков от заставы провожали стрельцы в цветных кафтанах и высоких шапках. Стрельцы ехали рядом с санями, разгоняли народ, глазевший на послов из Сибири.

У ворот перед тяжёлой опускной решёткой сгрудились конные и пешие. Стрельцы, стегая нагайками, пробились вперёд, велели сторожу-воро́тнику с ржавой алебардой поднимать решётку. Мужики глядели исподлобья, как проезжают казацкие сани, ругались вслед.

На улицах пахло смолой и сосновыми стружками. Высокими штабелями лежали брёвна. Плотники тесали доски.

Ехали казаки берегом Неглины-реки. Глядели на плотины, на водяные мельницы, на расписные терема и белокаменные палаты бояр.

У длинного бревенчатого моста к реке по косогору спускался каменный двор с круглой башней на углу. Снег кругом почернел от сажи. Из узких оконцев валил густой дым. Мерный стук молотов смешивался с лязгом железа. В больших избах жарко пылали горны, сверкал расплавленный металл. У дубовых окованных ворот стояла стража.

— Что за избы? — спросил Кольцо.

— Пушечный двор, — ответил стрелецкий начальник. — Льют здесь пушки большие и малые, куют стволы пищальные и мушкетные для государева войска.

Въехали казачьи сани на Красную площадь.

Широкая кирпичная стена окружала Кремль. Над стеной подымались двурогие зубцы.

Против стены рядами тянулись лавки, ларьки, шалаши.

Много народу толкалось в обжорных рядах. Здесь торговали рыбой, мясом, калачами, пряниками, горохом, киселём. Из дубовых бочек разливали по ковшам пенистый квас.

— Пироги подовые — с пылу, с жару! — выкликал рыжебородый мужик, весело блестя глазами. — Налетай-спеши, для утехи души!

Ниже, у девятиглавого Покровского собора, покупали холсты смоленские, крашенину вяземскую, сукна можайские. Торговались долго, ругались, сбивали цену.

Лязг стоял в железном ряду. За прилавками, на деревянных скобах, были развешаны топоры, косы, вилы, замки и всякий домашний скарб. Товар добрый, из железа устюжского и серпуховского.

Скоморох в размалёванной маске показывал, как пьяный поп по улице идёт, как купец у убогого грош ворует. Другой медведя водил, на дудке-сопелке играл. Медведь, жалобно урча, разводил лапами и кланялся народу: подайте, мол, люди добрые!

В серой толпе мелькали иногда высокая соболья шапка боярина да меховой колпак дьяка.

Кричали купцы, зазывая покупателей.

Вопили юродивые и калеки; гремя цепями, брели колодники — собирать подаяние.

Звонили к обедне. Густой рокот меди плыл над толпой. Встревоженные звоном, поднялись в воздух грачи и чёрной стаей кружили над зеленоверхими башнями.

Казаков проводили в Посольский приказ.

Спесивый толстый дьяк выслушал рассказ Кольцо о Сибирском царстве, искоса глянул на атамана и подумал: «Дыба ему кума, а плаха свояченица». Потом взялся за бумагу и, опустив глаза, сказал скучным голосом:

— Остановитесь на посольском дворе. Избу отведут, там и ждите. Когда надобно будет — пришлю за вами.

Три дня ждали казаки — никто не шёл. Не знали, что и думать.

На четвёртый день слышат конский топот, рог трубит. Выскочили на крыльцо. Смотрят, подъехал царский гонец, а с ним стрельцы — народ разгоняют. Велел гонец скорее собираться.

Поехали казаки за гонцом. У ворот теснились всадники в чёрных кафтанах, горяча добрых коней. Кони гнули шеи дугой, грызли удила. Бояре в широких шубах робко косились на них. Всадники, откинувшись в сёдлах, с усмешкой помахивали плётками.

Дьяк провёл Кольцо в Золотую палату.

На высоком позолоченном кресле сидел царь. Золотом горела тяжёлая царская одежда.

У трона стояли царские телохранители — рынды — в белых кафтанах и высоких белых шапках.

Кольцо бил челом, передал думному дьяку меха и Ермакову грамоту.

Прочтя грамоту, Иван Грозный воскликнул:

— Новое царство послал бог России!

Царь был обрадован. Воевал он со шведами, война была трудная, а тут нежданно-негаданно — Сибирь! И взяли её несколько сот казаков.

Позвал царь атамана на обед.

Дьяк велел атаману надеть белый кафтан.

Кольцо отказался:

— Отобедаю в казацком кафтане.

Прежде чем подали яства, царь послал каждому большой ломоть хлеба.

Подошёл стольник к атаману и громко сказал:

— Иван Васильевич, великий государь, царь и великий князь, всея Руссии самодержец, жалует тебя, Ивашку Кольцо, хлебом!

Ел Кольцо царский хлеб, ел царскую птицу — лебедя. Смотрел на бояр в белых кафтанах, смотрел на кравчих [1], стоявших у поставца с золотыми чашами в руках.

Жаловал царь атамана заморским вином. Пил атаман вино, пил из золотой чаши, вспоминал Сибирь, вспоминал данников Ермаковых.

«Пью, — думал, — с золота. По остяцкой вере присягаю великому князю. Радостен государь, да как бы не спросил про разбои на Волге, про того воеводу, Пелепелицына Ваську».

Не спросил царь про разбои. Не вспомнил, что

[1] Кра́вчий — боярин, ведавший царским столом.

приказал когда-то казачьего атамана Ивашку Кольцо словить и повесить.

Отобедав, пошёл царь в свои покои. Поднялся по каменным ступеням, долго отдышаться не мог — дряхл становился.

«Видно, смерть близка. Умру — кто станет стра-

жем земли Русской? Кто собирать её будет и растить великим бережением? Кто будет вырывать боярскую крамолу, как сорную траву с поля?»

Голубая изразцовая печь пышет жаром. В душном воздухе — запах мехов и воска. Подошёл царь к столу у решетчатого оконца. Отодвинул в сторону книги

московских первопечатников Фёдорова Ивана и Мстиславца Петра — «Апостол» и «Часовник». Развернул на столе пергаментный свиток — чертёж земли Русской. Как кровеносные жилы по телу человеческому, извивались по чертежу реки. Малые реки, и реки великие, и самая великая — Волга-река.

«Погнал я с Волги ордынцев — Казанского хана погнал и Астраханского хана погнал, и ныне вся Волга свободна от истоков до устья», — думал царь.

Смотрел он за Каменный пояс, откуда приехали Ермаковы послы. На чертеже Каменный пояс был как хребет осетра. А за хребтом начертил писец пса, нагоняющего зайца, и белку, грызущую орешек. Ничего не ведал о той земле писец.

А царь ведал, что идёт оттуда путь на юг, в богатые города Бухару и Ургенч, и на восток идёт путь через глухие места в далёкое Китайское царство. И ведал царь: Каменным поясом, как крепкой бронёй, оборонилась Русь от степных кочевников.

Молча стоял царь. Празднично гудели колокола, перекликаясь частым перезвоном. И думал царь: «Растил я землю Русскую, как бережливый садовник растит сад, и ныне сад тот благоцветущ, многоплоден и благоухания исполнен».

Закатывалось зимнее солнце. Сквозь решетчатое оконце падал на чертёж жёлтый луч, узкий, как стрела. Шёл тот луч от ливонских земель, через города и земли московские, через Каменный пояс в Сибирское царство.

* * *

На другой день поехал Кольцо смотреть пушечную стрельбу.

Длинный поезд потянулся из Кремля. Впереди шло пять тысяч пищальников. У каждого на левом плече — пищаль, а в правой руке — фитиль. За ними ехали бояре в парчовых одеждах, по три человека в ряд. За боярами на белом жеребце ехал царь. На голове у него была красная шапка, украшенная жемчугом и дорогими самоцветами.

Выехали в поле. Там стояли толстые ледяные глыбы, а за ними, подальше, — деревянные срубы, набитые землёй.

Пищальники стреляли с невысоких подмостков. Лёд крошился от пуль. Пороховой дым стлался низко, как туман на болоте.

Когда глыбы были разбиты, загремели пушки.

Смотрел Кольцо, усмехался.

«Такую бы рать, — думал он, — да за Камень!»

Гремели пушки. Ядра взрывали землю, рушили деревянные срубы.

Стемнело. Ярче становилось пламя выстрелов.

Поехали в Кремль. Царь одарил казаков деньгами и сукнами. Ермаку послал кусок сукна, шубу с собственного плеча, серебряный ковш и два дорогих панциря.

Ивану Кольцо позволил брать охочих людей для заселения новой земли. Обещал отправить в Сибирь на подмогу казакам воевод со стрельцами.

На Москве праздновали победу над сибирским

ханом. Звонили колокола, служили молебны. Рассказывали о ратном искусстве Ермака, о его непокоримой отваге, о том, сколько добра всякого добыл за Камнем.

Многие гулящие и беглые люди, прослышав о Сибири, отправились туда вместе с Иваном Кольцо. Тяжело груженные сани вереницей тянулись на восток. Пар подымался от взмыленных лошадей.

В санях сидел Иван Кольцо, сидели казаки. Бороды у них заиндевели от мороза.

Скрипел под полозьями снег. Дорога шла то полем, то лесом — и снова полем, пустым, занесённым снегом. Сани мотало на раскатах, подбрасывало на ухабах.

За санями шли охочие люди. Шли в Сибирь — селиться на вольных землях.

СБОР ЯСАКА

20 февраля приехал в Кашлык татарский мурза Сенбахта Тагин. Жил он неподалёку и ладил с казаками. Рассказал мурза, что царевич Махметкул кочует по берегу реки Вагая, воинов у царевича мало, а до реки той верховому день езды.

Послал Ермак шестьдесят казаков — изловить Махметкула.

Приехали казаки на Вагай, разбились по нескольку человек, стали искать след. Искали долго. Наконец видят — навоз дымится, снег копытами истоптан.

Пошли по следу.

Махметкул разбил свой стан возле озера Кулара. Татары сидели у костров, варили мясо. Стреноженные лошади рыли копытами снег, искали под снегом сухую траву.

Над озером клубился туман.

Казаки отошли за сосновый лесок. Переждали там до темноты.

Зажглись звёзды. Утонули во мраке гривы камыша.

Догорали костры. На снегу колыхались красные отсветы. Татары легли спать. Где-то в болоте выли волки.

Казаки кольцом окружили становье и, разом вскрикнув, бросились в бой.

Испуганно заржали татарские кони. Татары вскочили, схватились за сабли, но было уже поздно: чёрной лавиной налетели казаки, подмяли татар лошадьми и многих изрубили.

Махметкул яростно отбивался, пытаясь уйти в лес.

Казаки накинули на него аркан, связали кожаным ремнём и, приторочив к седлу, повезли в Кашлык.

Махметкул ехал молча. Ремни резали тело. Над головой мерно покачивался Млечный Путь. Махметкул закрыл глаза.

В Сибири царевича встретили торжественно. Казаки стреляли из пищалей. Атаманы в нарядных кафтанах разглядывали знатного пленника.

Ермак велел развязать Махметкула и сам помог ему слезть с лошади. Махметкула отвели в отдельный

дом, убрав его дорогими коврами. У дома днём и ночью стоял караул.

Ермак звал Махметкула служить русским, обещал царскую милость.

Махметкул молчал, косил узкими глазами.

Ермак знал, что царевич — лучший татарский воевода, и держал его при себе, стараясь ничем не обижать. Думал: начнёт теперь Кучум переговоры и, может быть, станет московским данником.

Но от Кучума вестей не было.

Кочевал Кучум с войсками, с жёнами и сыновьями по Ишимским степям.

Трудно приходилось хану. Царевича Махметкула забрали казаки в плен. Карача изменил — ушёл в верховья Иртыша, не хочет служить хану. Сеид-Ахмет, сын убитого ханом Бекбулата, подрос, стал воином, грозит захватить царство Кучума, отомстить за кровь отца.

Царство Кучумово распадается, мурзы присягают русским, уходят данники, не дают ясака.

Кочевал хан в Ишимских степях, а по Иртышу шёл пятидесятник Ермака Богдан Брязга со своим отрядом. Дошёл он до устья реки Аримдзянки. Здесь в маленьком городке засели мятежные татары.

Брязга взял городок приступом. Зачинщиков велел повесить за ноги.

Татары клялись ему в верности, целуя обрызганную кровью саблю.

Князец Нимнян собрал две тысячи остяков и вогулов. Засел со своим войском на высокой горе.

Опять пошли казаки на приступ...

Три дня ходил Брязга на приступ — не мог взять остяцкий городок. Гора была крутая, а вокруг городка тянулся деревянный частокол с валом.

Пришёл к Брязге один чувашин из обоза.

— Есть, — говорит, — у остяков идол золотой, сидит в золотой же чаше. Льют остяки в ту чашу воду и, как выпьют из чаши, думают, что с ними никакого худа не случится.

Чувашин просил отпустить его к остякам. Обещал украсть золотого идола.

Вечером чувашин ушёл в городок, притворяясь перебежчиком, а утром вернулся к казакам.

— Остяки в великом страхе, — рассказывал он. — Поставили идола на стол. Жгут в чашках сало и серу. Столпились вокруг, непрестанно молятся. Потому-то я и не мог украсть идола. А остяки гадают: сдаваться или биться? И уже решили, что лучше сдаваться.

Опять пошли казаки на приступ и взяли городок. Искали идола, но нигде не могли найти.

Сошёл лёд. Казаки дальше поплыли в стругах.

Вечером на опушке леса показалось остяцкое городище. В городище стоял большой каменный идол Рача, которого остяки очень почитали. Шаманы со всех окрестных мест собрались там — приносили Раче жертву.

Увидели шаманы казацкие струги, схватили идола и поволокли его в лес. Никого в городище не осталось.

Ждал Брязга до следующего дня, думал — вернутся остяки. Однако никто не показывался.

Поплыли казаки дальше, собирая ясак.

На Иртыше оставался только один непокорный остяцкий князец — Самар. Призвал он к себе восемь малых князьков, собрал войско, чтобы перебить русских.

Казаки рано утром, чуть свет, напали на спящий стан остяцких князьков. Самар от шума проснулся, схватил копьё, но тотчас был убит. Князьки сначала разбежались, а потом приходили поодиночке, приносили присягу в покорности и платили казакам ясак.

Иртыш стал русским. Брязга вернулся в Кашлык.

Приводить к присяге народы, живущие по Тавде и Оби, пошёл сам Ермак. В низовьях Тавды он разгромил татарского мурзу Лабуту. На реке Конде победил вогульского князька Патлика. У оседлых табаринцев и кошуков взял ясак хлебом: запасался на зиму.

Дошёл Ермак до Оби. Дорогой захватил несколь-

ко городков, местечек и юрт. Вогулы метали в казаков стрелы с наконечниками из рыбьих костей. Казаки отвечали пищальными выстрелами. Вогулы скрывались в леса. Погибло в боях несколько казаков, погиб атаман Никита Пан.

Пришли казаки на Обь.

Смотрят — течёт широкая река к северу, к Студёному морю, покрытому чуть ли не круглый год льдами. Берега безлюдны и пустынны. Ни деревца, ни кустика. Куда ни взглянешь — топи и болота, а на болотах мох.

Болота курились туманом, а над рекой, как дым, стояла мошкара. Вечернее солнце текло по воде. Кричали дикие гуси.

Ермак повернул обратно в Кашлык.

КАК ПОГИБ ИВАН КОЛЬЦО

Вернулся из Москвы Иван Кольцо, роздал атаманам и казакам царские подарки.

Ермак надел сначала нижний, а потом верхний панцирь с золотым орлом на груди.

— Знатный доспех! — сказал он, расправляя плечи и одёргивая чешуйчатый подол. — В груди малость узко. Ловко ли будет рубиться?

— Приобвыкнешь — слюбится, — отвечал Кольцо.

Охочих людей, которые пришли с атаманом из Москвы, разверстали по сотням.

Карача, изменив хану, разбил свой стан на реке Туре. Узнал он о возвращении Кольцо и прислал Ермаку послов с подарками.

— Отошёл Карача от хана, — говорили послы. — Карача русским — друг.

Ермак одарил послов, надеясь привлечь ханского советника на свою сторону. Послы благодарили, низко кланялись.

От Кучума вестей всё не было. Начали готовиться к зиме. Собирали хлеб, солили мясо и рыбу. Кое-кто из казаков взял в жёны татарок. Дети у них были голубоглазые. Сидели матери у колыбелей, пели протяжные степные песни.

Царевича Махметкула отправили в Москву. Повёз его Иван Гроза.

Выехали зимним настом.

19 марта 1584 года умер царь Иван Васильевич.

Когда казаки приехали в Москву, на престоле сидел уже Фёдор Иванович. Татарского царевича приняли торжественно, оказывая ему всяческие почести.

Махметкул принёс русским присягу в верности и стал полковым воеводой.

Махметкул в Москве надел русские доспехи.

В 1590 году он дрался со шведами. В 1598 году, когда ждали нападения крымских татар, ходил с Борисом Годуновым под Серпухов.

* * *

Реками уральскими шли пятнадцать стругов с дружиной князя Семёна Дмитриевича Болховского.

Болховского послал в Сибирь ещё Иван Грозный. Поехали с князем стрелецкие головы Иван Глухов и Иван Киреев. При них было триста стрельцов. В стро-

гановские городки пришли уже поздней осенью. Зимним путём через Камень на конях идти не решились. Зазимовали у Строгановых, а весной поплыли на стругах в Сибирь.

Запасов Болховской взял мало.

— В Кашлыке всего вдоволь, — говорили Строгановы.

Плыли струги сибирскими реками. А по улусам разъезжали Кучумовы лазутчики и волновали народ:

— Плывёт из-за Камня русских несметная рать. Всё добро у вас заберут.

Татары и остяки испугались, начали прятать запасы.

Наступила осень. Убрали поля. Приехали казаки за хлебом.

— Нету хлеба. Не родился хлеб, — отвечали татары.

Просили казаки мяса.

— Мяса тоже нету. Трава выгорела, скот подох. Небольшие запасы в Кашлыке были.

— Как-нибудь перезимуем, — решили казаки.

Приехал к Ермаку посол от Карачи. Дал присягу в том, что не мыслит никакого зла против русских. Просил отряд для защиты от ногайцев, которые двинулись с юга, из Барабинских степей:

— Идут ногайцы на наши кочевья. Грозят скот увести и нас побить.

Ермак отрядил на помощь Караче сорок казаков и атамана Ивана Кольцо.

Приехали казаки на Тару. Татары обрадовались. Кормили их бараниной, поили кумысом, говорили: «Якши урус».

Атамана провели в избу Карачи. Карача сидел на подушках и приветливо улыбался, распахнув полы шёлкового халата. Оружия при нём не было. На ковре дымились блюда с варёной бараниной. В жирной похлёбке плавали куски теста. У ковра сидели татары с медными чашками в руках.

— Да снизойдёт на твою голову благословение аллаха! — говорили они. — Да продлится твой род на многие годы!

Карача подвинул атаману круглую подушку. Кольцо сел, разминая затёкшие ноги.

Дымилась баранина. Русый, голубоглазый слуга разливал из железного кувшина кумыс. Кольцо с удивлением смотрел на слугу.

— Ясырь, раб, — сказал Карача, перехватив его взгляд. — В Хиве куплен.

Карача говорил тихо. Поглаживал редкую бороду. Сидевшие у ковра татары молча слушали его и кивали головами. Карача жаловался на ногайцев:

— Идут на наши кочевья, скот угоняют. Мы слабы. Как нам защищаться?

Кольцо пил кумыс, поглядывал из-за края чаши на татар. Со двора доносился чей-то приглушённый смех.

На стене, за спиной Карачи, висел круглый щит, весь покрытый причудливой резьбой. В середину был вделан крупный изумруд.

— Щит смотришь? — спросил Карача. — Хорош щит. Старый мастер делал.

Кольцо встал, подошёл к стене посмотреть резьбу.

Карача толкнул ногой кувшин с кумысом, и стоявший в дверях слуга набросил на голову атамана Кольцо ремень. Карача вскочил и вытащил из-под ковра саблю. Узкий ремень сдавил атаману горло. Потянулся атаман к поясу — нож достать, а уж четверо татар повисли у него на руках.

Карача ударил его по затылку саблей. Кольцо тяжело рухнул на ковёр.

— Якши! — сказал Карача, усмехаясь, и вытер полой халата саблю.

Десятерых казаков татары удушили сонными, остальных, напоив кумысом, перерезали. Один успел вытащить саблю. На него накинули сзади ковёр, повалили и закололи сквозь ковёр ножами.

Только старый Бондаренко, тяжело израненный, выполз из избы, с трудом взобрался на седло и ударил коня.

Вдогонку ему полетели стрелы.

В изрубленной кольчуге, обливаясь кровью, прискакал казак в Кашлык.

— Карача изменил... Всех побили! — сказал он, с трудом шевеля запёкшимися губами, и повалился на землю.

У Ермака глаза помутнели от горя и ярости. Поймал четырёх вооружённых татар и велел их повесить.

Осенний ветер раскачивал над стенами Кашлыка почерневшие тела повешенных.

Ермак послал атамана Якова Михайлова с отрядом отомстить за товарищей.

Ночью в глубоком овраге Карача напал на них и всех перебил.

ОСАДА КАШЛЫКА

По улусам и юртам разъезжали отряды Карачи, всех подымая на русских войною. Тех, кто не хотел идти, убивали.

Струги князя Болховского едва успели доплыть до Кашлыка.

Встретили князя, устроили пир. С пира атаманы разошлись невесёлые. Приехал Болховской без хлеба, без соли, без круп. В Кашлыке-то и на своих было мало — лишь бы в скудости дотянуть до весны. А тут триста ртов лишних.

Наступила зима. По дорогам рыскали татары. Снег лежал глубокий: верблюду по ноздри.

Запасы у казаков подходили к концу. Стали есть ржаную болтушку.

Небольшой отряд попытался пробраться к вогулам за рыбой. У вогульских юрт стояли войска Карачи. Пришлось вернуться с пустыми руками.

Вышли все припасы. Зарезали лошадей, съели собак. А с Иртыша дул студёный ветер, заметал снегом.

В пустынном небе подолгу рдели кровавые зори, и дым из труб застывал прямыми чёрными столбами.

Снег падал и днём и ночью, падал пушистыми, крупными хлопьями, и ветви деревьев склонялись под тяжестью белых шапок.

Начался голодный мор. Из посиневших дёсен сочилась кровь. По телу выступали багровые пятна. Пухли ноги.

Сквозь затянутые пузырём оконца пробивался тусклый свет зимнего дня. На лавках лежали казаки и стрельцы. Щупали пальцами зубы — не шатаются ли.

Душный смрад стоял в избах.

Ободрали лыко с берёз. Голые, обожжённые морозом стволы чернели на снегу. Варили лыко, ели горькую похлёбку. Варили конскую сбрую из сыромятных ремней. Долго жевали шатающимися зубами.

Стих ветер. На севере засияло небо, зажглось зелёным светом. Словно огромное полотнище зелёного шёлка свисало с небесного свода, колыхалось, развёртывалось.

Казаки, с трудом передвигая распухшие ноги, вылезли на вал. Запавшими глазами смотрели в небо.

Над горизонтом протянулись белые полосы. Потом небо померкло. В безветренном воздухе неподвижно свисали русские знамёна. Разошлись казаки по избам. На сердце тоска. Чадит лучина. Падают со светца угольки, шипят в воде. Тиха зимняя ночь. И говора не слышно, и песни не слышно. Снег кругом да волки воют.

Умирали казаки и стрельцы. Умер князь Семён Дмитриевич Болховской. Трупы сначала хоронили в

городе, потом стали бросать за валом. Трудно рыть мёрзлую землю.

Над трупами дрались волки, жрали мертвечину.

Как-то казак заарканил волка, содрал шкуру, сварил и съел. Стали волков бить, есть волчатину.

Волки отошли от города. Выли по оврагам.

В избах бредили умирающие. Грезились им зелёные луга, а на лугах коровы бродят, щиплют траву отары жирных овец. Грезились им огромные котлы с ухой и кашей. Кричали в бреду, кусали чёрные губы.

Морозы стояли такие, что летит ворона — а за вороной тянется струйка пара. Земля трескалась от лютой стужи.

С голоду стали есть мертвецов.

К весне совсем отощали. Едва ноги тянули. Кожа стала жёлтая, а по коже — струпья.

Отошли морозы, солнце пригрело. Начали корень травной копать, промышлять в полыньях рыбу.

Ермак велел искать под снегом траву черемшу. Говорил: черемша помогает от голодной хворости.

Весна настала ранняя. В полдень припекало солнце. По оврагам пенились ручьи.

Не сошёл ещё снег — сторожевые заметили: за холмами что-то чернеет и колышется.

Снег на солнце сверкал, резал глаза. С тревогой казаки смотрели вдаль.

Из-за холмов показались головы коней и верблюдов, мохнатые шапки и копья.

Войска Карачи обложили Кашлык.

* * *

Широкой дугой расположился татарский лагерь.

— Тенёта раскинуты, — сказал Карача, привстав на стременах, и засмеялся коротким, лающим смехом. — Из Кашлыка теперь и во́рону не пролететь, и крысе не прошмыгнуть.

Татары переняли дороги, тропы и броды. Костры дымили по всему небосклону.

Ермак поднялся на вал, потянул ноздрями весенний воздух и велел пушкарям раздувать фитили.

Татарские конники сбивались в плотную массу.

Ударил барабан. Донёсся пронзительный вой.

Татары подняли изогнутые луки, пустили стаю стрел и понеслись.

Чадили пальники. Казаки, насупившись, заряжали пищали.

Южный ветер трепал жёлтые космы костров.

Татары на скаку разворачивались полумесяцем. Кривые сабли крутились над головами. Копыта коней взбивали талый снег.

— Подпускайте поближе! — крикнул Ермак пушкарям. — Махну саблей — стреляй!

Передовые рысью поднялись на косогор перед рвом и тотчас же начали осаживать.

Ермак взмахнул саблей. Дохнули дымом пушки. Торопливо застучали пищали.

На скате валялись мёртвые и раненые.

Потерявший всадника конь, вытянув шею, жалобно ржал. В снегу шипело и кружилось ядро.

— Огонь! — кричал Ермак.

Вал окутался облаком порохового дыма.

Пригибаясь к коням, татары бросились назад.

В жёлтом небе кружили орлы. За рекою садилось большое мутное солнце.

С высоты крепостных стен смотрел Ермак на бесчисленные дымки́ костров, на расплывающиеся во мгле пятна обозов. Быстро падала ночь. Загорались зелёные степные звёзды.

К татарам каждый день подходили новые силы. Карача повсюду рассылал гонцов:

— Говорите, обложили мы Кашлык. Зайцу не проскочить. Неверным теперь не уйти. Зовите всех под мою руку.

Татары к валу больше не приближались. Постави-

ли палатки, построили шалаши и разъезжали вдалеке, так что ни пулей, ни ядром не достать.

— Хотят голодом нас дойти. Думают, как отощаем — голыми руками возьмут, — сказал Ермак и зло скрипнул зубами.

Рыбу промышлять стало трудно.

Пошли двое казаков на Иртыш со снастью. Думали разжиться лещами на утренней заре. Татары их поймали и повесили у себя в стане на вздёрнутых оглоблях.

Сошёл снег. Берёзы оделись зелёным пушком. На лужайках чуфыкали и бормотали тетерева. Широко разлился Иртыш, сбросив ледяную кольчугу.

В Кашлыке голодали. А из татарского лагеря ветер доносил вкусный запах варёного мяса. Татары ели конину и баранину, запивали кумысом из кожаных мешков. Острый запах татарских котлов кружил казакам головы. Едва ноги таскали.

Карача с жёнами и сыновьями своими отошёл подальше на восток, к Саусканским юртам. Туда стянули и главный обоз.

Подскакал как-то к Кашлыку всадник, бросил в ров мешок.

Вытащили его казаки — из мешка смрад. Развязали — видят: головы человеческие. Признали в них тех товарищей, что с осени поехали собирать ясак по дальним улусам.

— Лучше в битве сложить голову, чем умереть отощав, без славы, — говорили казаки.

На вылазку идти было нельзя. Навалятся татары скопом — сомнут. В поле с ними не сладить.

Решили подобраться к татарам во мраке и неожиданно напасть на них.

Ночью повёл Матвей Мещеряк половину казацкой дружины за крепостные стены.

В Кашлыке остался Ермак.

Чёрные тучи затянули небо. Накрапывал тёплый дождик.

Спустились казаки за вал, перешли ров и затаились в березняке.

Во тьме, звякая недоуздками, сыто пофыркивали кони и кто-то лениво тянул песню. Это татарский отряд сторожил дорогу.

Обошли его оврагом. Дальше никого не было.

В лагере догорали костры. Татары укрылись от дождя в палатки. Где-то у телег пёс побрехал и смолк.

Дошли казаки до Саусканских юрт. Мещеряк велел сесть, дух перевести.

Далеко, в Кашлыке, тускло тлели два огонька.

Атаман снял шлем, вытер вспотевший лоб и поднялся.

— Пошли, — сказал он тихо.

Напали казаки на стан Карачи. Рубили врагов тихо, без крика.

Не успели татары глаз открыть — половина уснула навеки. Другие бросились к обозу, клича коней.

Мещеряк не дал им оправиться, потеснил от обоза. Двух сыновей Карачи зарубил в сече. Сам Карача едва ушёл на коне.

Татары поскакали за помощью.

На востоке зазеленело небо, пахну́ло утренним ветерком. Издали донеслись конский топот и крики.

Засели казаки у тальниковых кустов, а перед кустами устроили засаду из татарских телег.

Конский топот приближался.

Казаки заряжали пищали. Кто сыпал порох из пороховницы, кто высекал огнивом искру.

С гиком мчались татары. Из тьмы показались конские морды.

Засев за телегами, казаки палили из пищалей.

Зеленело небо. В предрассветной мгле вспыхивали пищальные огни. По низинам стелился туман. Татары конской лавиной обрушились на казаков, но не смогли пробиться через телеги и отхлынули назад.

Казаки стреляли не переставая. Стволы пищалей раскалились, жгли руки.

Татары несколько раз бросались на приступ, но, не выдержав пищального огня, поворачивали обратно, устилая поле своими трупами.

Уже солнце встало из-за холмов, а бой всё длился. Ряды татар поредели. Они налетали уже без крика. Взмыленные кони тяжело вздымали крутые бока.

Пешие татары зашли за кусты тальника и стали метать стрелы. Их отогнали пулями.

Пригревало солнце. Пересохли губы. Хотелось пить.

Пешие татары, рассеявшись, уходили к лесу.

Бой длился до полудня. Войска Карачи были разбиты. По всему полю, по зелёной траве, чернели трупы лошадей и людей. Когда наконец ушёл последний татарский отряд, у казаков кончился порох.

СМЕРТЬ ЕРМАКА

Карача с остатками войск бежал в степи.

Вогулы и остяки опять отошли к русским. Глухими лесными тропами, непролазными болотами, реками в долблёных челнах спешили они к Кашлыку — везли рыбу, мясо и мёд.

В лугах долго стояла полая вода. Земля набухла, наливала соком высокие травы. Казаки быстро оправились от голода и зимних невзгод.

Смиряя непокорных князцов, Ермак пошёл вверх по Иртышу. На восточном берегу озера Тобоз-куль после кровопролитной битвы разгромил знатного князца Бегиша. В устье Ишима разбил напавших врасплох татар.

Князец Елегай, живший в Тювенде, встретил казаков богатыми дарами. Предлагал Ермаку в жёны свою дочь, которую Кучум сватал за своего сына. Атаман отказался.

Жители Ташаткана сдались без боя.

В Ташаткане лежал багровый камень величиной с гружёные сани. Татары говорили, что это «господин погоды»; упал он с неба и вызывает холод, дождь и снег. Казаки недоверчиво качали головами.

Пришли к юртам кочевых охотников — тура-

линцев. Туралинцы жили в такой нужде, что Ермак не потребовал с них ясака и даже не принял их даров.

Был конец июля. Ночи стояли душные. По горизонту полыхали зарницы, но дождя не было. Днём от зноя по бокам стругов стекала смола.

Трава выгорела, и по степи вертелись пыльные столбы. Река мелела, обнажая пески.

Струги возвращались в Кашлык. Подходили к устью Вагая.

На крутой берег из-за кустов выехали два всадника в полосатых халатах и круто осадили коней. Привстав на стременах, они что-то кричали и размахивали мохнатыми шапками.

Струги повернули к берегу.

Всадники называли себя бухарцами. Сказали, что из Бухары идёт в Кашлык большой караван, везёт ковры, шелка, пряности, всякую утварь и оружие. Хотят бухарцы торговать с русскими, да на Вагае стоит хан Кучум, не пропускает караван.

Казаки знали, что по Вагаю идёт торговый путь в Бухару и Хиву. Путь этот нельзя было оставлять в руках у Кучума. Ермаку, кроме того, хотелось и хана изловить. Обещал он помочь бухарцам.

Всадники кланялись, щёлками языками, просили Ермака поспешить.

Казаки налегли на вёсла и скоро свернули в Вагай.

На берегу никого не было видно.

Струги поднялись по Вагаю до длинного бугра.

Татары называли его Атбаш — лошадиная голова. Бухарцев так нигде и не встретили. Татарин, рыбачивший на берегу, сказал казакам, что слышал — идёт караван, а где идёт, не знает.

Поплыли струги обратно.

Пусто на реке. Только чайки с недобрыми криками кувыркаются в воздухе.

К вечеру небо заволокло тучами. Казаки устали, томились от духоты и гребли молча. Мерно плескались вёсла, протяжно скрипели уключины... Мрак тяжело навалился на землю. Душный воздух словно застыл.

В слепой тьме, окутавшей небо и берега, тускло мерцала река.

Подошли к устью Вагая. Иртыш здесь образует длинную дугу, между концами которой давно еще кто-то прорыл неглубокую перекопь.

На этой дуге, окружённой со всех сторон водой, разбили казаки ночной стан.

Не успели костров развести — грохнуло небо громовыми раскатами, разорвались тучи, и в узком просвете мигнул белый, слепящий свет.

Сразу же бешено навалился ветер. Пригибал деревья к земле, мял воду, сбивал с ног.

Зелёные молнии полосовали небо. Гремел гром, раскатывался, замирал вдали у чёрного окоёма.

Казаки торопливо строили шалаши.

Из-за реки приближался мерный глухой гул. Первые тяжёлые капли застучали по листьям. Завывал ветер, волны бились о берег.

Усталые казаки крепко уснули. А за рекой, на другом берегу, стоял хан Кучум. Хан всё время шёл за казаками по берегу Вагая. С ним были и те два всадника в полосатых халатах, которые рассказали Ермаку о бухарском караване.

Кликнул хан лазутчиков — найти брод и узнать, что делается в казацком стане.

Вызвался пойти один татарин, которого Кучум за воровство приговорил к смерти. Теперь хан обещал: если выполнит поручение, будет помилован.

Поехал лазутчик, высматривая, берегом. По пологому скату спустился к воде. Конь нагнулся, раздул ноздри, понюхал воду и, осторожно ступая, пошёл бродом.

Дождь лил не переставая. Хан съёжился в седле. Вода заливала за кольчугу, растекалась по телу.

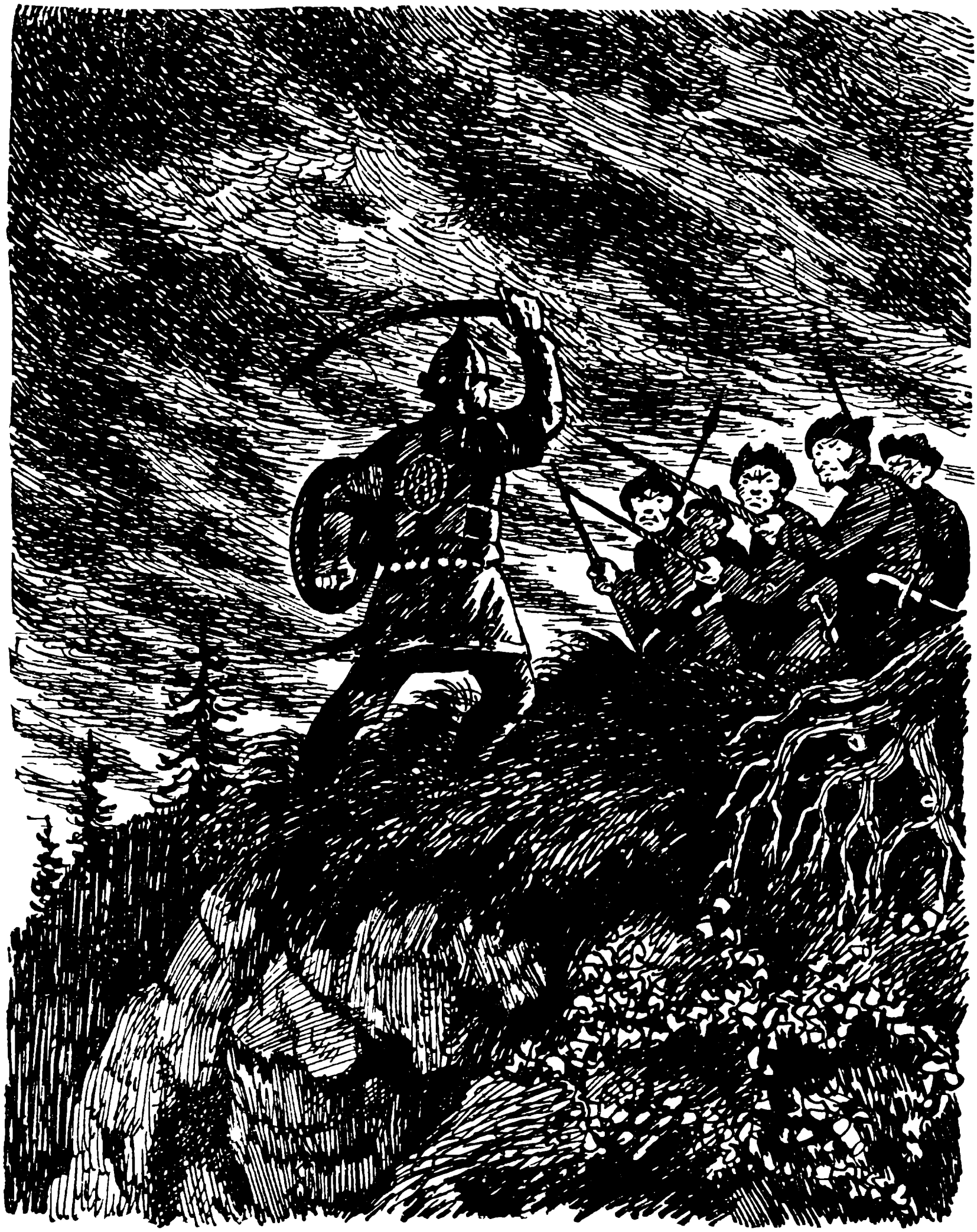
Мокрые лошади тихо пофыркивали и отряхивались.

Через час вернулся лазутчик. Рассказал, что нашёл брод, пробрался к русскому стану, а в стане все спят.

Хан ему не поверил. Велел лазутчику пойти опять и что-нибудь принести из стана.

Гроза уходила на запад. Издалека доносились глухие раскаты.

Лазутчика долго не было. Хан молчал, поглядывая в темноту узкими больными глазами. Жеребец под ним заскучал, перебирал ногами. Хан вытянул его плетью.



«Не уйти», — подумал Ермак и начал рубиться.

Вдруг из-за кустов вынырнула конская морда... Подъехал лазутчик и протянул хану три пищали.

— Русские спят, — сказал лазутчик, часто дыша.

— Якши! — пробормотал хан. — Ты будешь жить.

Татары поехали бродом и в полночь достигли казачьего стана.

Не раскрыли казаки глаз. Кучумовы воины перерезали спящих.

Только один десятник да Ермак успели вскочить на ноги. Кучумовы воины окружили их со всех сторон.

«Не уйти», — подумал Ермак и начал рубиться.

Десятник, отбиваясь топором от наседавших врагов, отступал к берегу.

Дождь перестал. На востоке тучи рассеялись, и в просвете между ними бледно мерцала утренняя звезда.

Десятник вскочил в струг и, широко загребая веслом, скрылся за тальником.

Низенький татарин, яростно сопя, пытался достать Ермака копьём. Скуластое лицо его лоснилось от пота, узкие губы искривились в пронзительном крике.

Ермак отступал, уклоняясь от ударов. Под ногами скользила раскисшая глина.

Ермак пригнулся и ударил татарина саблей. Тот запрокинулся на спину.

Внизу за ивняком чернел узкий нос струга.

Ермак скатился по глинистому обрыву, вскочил на ноги. Хотел прыгнуть в струг, а струг волной откачнуло от берега.

Весенним ледоходом вырыло здесь глубокий омут.

Два тяжёлых панциря — царский подарок — тянули ко дну.

Прибежали татары. Смотрят — никого нет, только по воде расходятся широкие круги.

* * *

Погиб Ермак 5 августа 1585 года.

Через неделю татарин Яныш сидел на берегу Иртыша, ловил рыбу.

Видит — в воде колышется тело.

Яныш связал петлю, закинул в реку и вытянул утопленника. На утопленнике была дорогая кольчуга. Рукава и подол оторочены медью. На груди — золотой орёл.

Побежал Яныш в деревню. Собрались татары, осмотрели труп, признали в нём знаменитого казацкого атамана Ермака.

Верхнюю кольчугу взяли шаманы из Белогорья, а нижнюю — мурза Кадул.

* * *

Погиб Никита Пан.
Погиб Яков Михайлов.
Погиб Иван Кольцо.
Погиб Ермак Тимофеевич.

Матвей Мещеряк с остатками казацкой дружины ушёл обратно за Камень.

На сибирский престол сел Кучумов сын Алей. Удержался он недолго: Сеид-Ахмет с помощью бухарцев и киргизов разбил Кучума и изгнал Алея из Кашлыка.

А из-за Камня по проторённой Ермаком дороге шли русские. Отряд за отрядом плыли сибирскими реками.

В водах реки Туры отражались бревенчатые стены русской крепости Тюмени.

На Иртыше неподалёку от Кашлыка построили русские город Тобольск.

Соседство это не понравилось Сеид-Ахмету. Он осадил Тобольск, но был разбит и попал в плен.

Татары ушли из Кашлыка. Город опустел и постепенно разрушался.

А в Барабинской степи кочевал хан Кучум, продолжая тревожить русских своими набегами.

Воеводы не раз уговаривали старого хана прекратить сопротивление.

Сам царь Фёдор Иванович послал Кучуму грамоту. Предлагал явиться с повинной, обещал всё забыть и обещал возвратить хану города и волости.

Кучум смириться не пожелал и даже грозил войною. Об одном только просил он русских воевод: вернуть отнятый у него вьюк. В этом вьюке находилось бухарское зелье для больных глаз.

Русские продвигались всё дальше и дальше, разби-

вали отряды Кучума, перехватывали шедших к нему гонцов.

20 августа 1598 года воевода Воейков нанёс Кучуму жестокое поражение.

В плен попала почти вся семья Кучума, а сам он спасся бегством.

Воейков послал к нему татарского мурзу и в последний раз предлагал покориться на почётных условиях.

Мурза нашёл хана где-то на берегу Оби. С ним были три сына и десятка два воинов.

— Если я не поехал к Московскому царю в могуществе своём, — отвечал Кучум, — то как поеду я теперь — слепой, глухой и нищий?

Кучум скитался в степях Иртыша, угоняя скот у соседних кочевников. Кочевники погнались за ним. Спасаясь от преследования, хан бежал к своим бывшим союзникам — ногайцам. Ногайцы его убили.

Так бесславно закончил свои дни владетель Сибирского царства.

А Сибирь заселялась.

За ратными людьми шли из Московии люди торговые и промышленные, шли плотники и кузнецы, кожевники и гончары. От боярской лютости Ермаковым путём бежала голытьба искать счастья в землях неведомых.

Новосёлы вырубали леса под пашни, корчевали пни, сохой подымали целину, ковали в кузнях топоры, косы, серпы и воинские доспехи, прокладывали доро-

ги, строили мосты, спускали на воду суда, тёсанные из сибирского леса.

В глухих местах вырастали города, крепости и острожки [1]. На лесных вырубках дымились печи — жгли руду медную и железную. По таёжным рекам плыли казачьи струги — разведывать новые земли.

Государство Российское продвигалось на восток.

---

[1] Острожек (острог) — поселение, обнесённое вокруг частоколом или палисадом из свай, вверху заострённых.

СОДЕРЖАНИЕ

О «странах полунощных» и о «мягком золоте» 3
Люди буйственные и храбрые 10
В соляных городках 15
Трудным путём, непроходимыми местами . . 22
Ратное плавание 27
Хан Кучум 34
Бой под Чувашевым мысом 39
Ветер развевает русские знамёна над стенами Кашлыка 49
Посольство Ермака 55
Сбор ясака 66
Как погиб Иван Кольцо 72
Осада Кашлыка 77
Смерть Ермака 85

К ЧИТАТЕЛЯМ

Отзывы об этой книге просим присылать по адресу: Москва, Д-47, ул. Горького, 43. Дом детской книги.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР

В 1961 году в Детгизе выйдут следующие книги на исторические темы для начальной школы:

Алексеев С.

РАССКАЗЫ О СУВОРОВЕ И РУССКИХ СОЛДАТАХ

Небольшие рассказы, рисующие великого русского полководца и образы русских солдат.

Югов А.

ОТВАЖНОЕ СЕРДЦЕ

Историческая повесть о событиях, происходивших на Руси в XIII веке, о Гриньке — отважном сердце, смелом, находчивом дружиннике Александра Невского.

Гаврилов П.

НА БАРРИКАДЕ

Рассказ о десятилетнем мальчике, сыне рабочего, попавшем на баррикаду во время революции.

ДЛЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Гриц Теодор Соломонович

ЕРМАК

Ответственные редакторы *И. И. Прусаков* и *Н. И. Максименко*. Художественный редактор *С. И. Нижняя*. Технический редактор *Т. В. Перц*
Корректора *Л. И. Гусева* и *В. П. Кучерова*.
Сдано в набор 26/I 1961 г. Подписано к печати 13/V 1961 г. Формат 60 × 84
6 печ. л. = 5,6 усл. печ. л. (3,66 уч.-изд. л.). Тираж 100 000 экз. Цена 23
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49. Заказ № 130

Цена 23 коп.